

Зоя Бері

Моя.

(не) по контракту

Зоя Берг

Моя. (не) по контракту

<https://litres.ru/74462267>

Аннотация

Влад Волков вдвое меня старше, но я должна выйти замуж за этого ужасного человека, потому что мой отец проиграл не только все наши деньги, но и все кредиты, которые тайком набрал... И мне ничего не остается, как пойти на сделку с Волком, чтобы спасти мою семью. Но тут появляется ОН – притягательный красавчик, сын моего будущего мужа...

В книге вас ждут: # дерзкая и чуточку взбалмошная героиня # сильный, властный, но местами вполне адекватный будущий муж # иногда жестко, часто горячо и всегда честно

И ОСТОРОЖНО – сын мужа тот еще говнюк, ругающийся матом!

18+. ХЭ ♥#

Роман пишется в рамках литмоба "Цена любви"

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	51
Глава 10	59
Глава 11	66
Глава 12	75
Глава 13	81
Глава 14	87
Глава 15	93
Глава 16	98
Глава 17	103
Глава 18	111
Глава 19	120
Глава 20	128
Глава 21	136
Глава 22	145
Глава 23	151

Глава 24	159
Глава 25	165
Глава 26	172
Глава 27	178
Глава 28	185
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Глава 1

«Если ты продаешь тело – ты проститутка. А если ты продаешь и тело, и душу?»...

- Маргарита Николаевна, Владислав Андреевич вас ждет, - голос секретаря наконец останавливает бетономешалку в моей голове.

- Спасибо, - встаю, делаю три шага и вхожу в кабинет.

Владислав Андреевич Волков стоит у окна, спиной ко мне.

- Присаживайся, - произносит, не оборачиваясь. Голос низкий, бархатный, с хрипотцой, от которой у женщин обычно дрожат колени. У меня колени дрожат от другого - от желания бежать.

Прохожу. Сажусь в одно из кресел для посетителей.

- Ты знаешь, зачем ты здесь, - поворачивается.

Волосы с проседью. Лицо с высокими скулами – жесткое, твердое. Одет в темно-синий костюм, идеально сидящий на широких плечах. Я знаю, что ему пятьдесят, но выглядит моложе, если не считать глаз. В глазах - усталость хищника, который уже насытился, но все еще любит процесс охоты.

- Твой отец проиграл в карты то, чего у него не было, - продолжает. - А затем занял у людей, которые не играют в карты. Они играют в жизни. И сейчас они хотят получить свои деньги назад.

Ирония внутри меня хихикает истерическим смехом:
«Умный папа умной девочки спустил все что у них было в унитаз. И смысл. Так что ни копейки не застряло».

- Я могу погасить долг, - говорит спокойно, будто обсуждает погоду. - Твою семью оставят в покое. Никто не придет ломать двери. И... кости.

Молчу.

- Ты ведь умная девушка. Закончила университет, работаешь учителем... Скучно. Бедно. Перспективы туманны. А я предлагаю сделку...

- Теперь это так называется, - бормочу.

Делает несколько быстрых шагов. Секунду нависает огромной скалой. Потом опускается в кресло напротив.

- Это называется брак. Ты становишься моей женой. Через месяц свадьба. А прямо завтра ты переедешь ко мне.

- В клетку, - вырывается у меня.

Его губы кривятся - почти улыбка.

- Территория закрытая. Ты будешь в безопасности. От всего.

- И от вас?

Наклоняется вперед, глаза темнеют.

- Боюсь, что ты не поняла, девочка. Ты будешь моей женой не только на бумаге.

- А если... я вас не устрою?

- Тебе лучше сделать так, чтобы мне все нравилось. Ну либо... тебе придется искать деньги. Или можно еще... поч-

ки продать. Всей семьей. Хотяяяя, - тянет он.

Молчу. Сжимаю зубы и молчу. Он не угрожает открыто. Он просто описывает варианты развития событий как... как бизнес-план.

- Хотя боюсь, что даже если всех твоих родственников прооперировать – все равно не хватит...

- Почему я? – спрашиваю тихо. - Вы могли бы выбрать любую. Моделей, актрис, дочерей партнеров.

Откидывается назад. Смотрит. Долго-долго смотрит. И в его взгляде есть что-то... пугающее? Или нет... не пугающее... А что-то еще. Но что?

- Мне не нужна звезда, Маргарита, - голос вырывает меня из попытки понять, и я теряю мысль, которую почти уже ухватила. - Мне нужна тень. У тебя есть только долг. Это делает тебя... надежной.

- Надежной заложницей, - выдыхаю я.

Приподнимет одну бровь.

- Клетка. Заложница. Какие некрасивые слова. Может быть тебе не нужна эта сделка?

«Конечно, не нужна! Конечно, я не хочу себя продавать!».

- Я дам тебе порядок и безопасность. Снаружи - волки. Внутри – покой.

- Вы тоже волк, Владислав Андреевич...

- Ну а ты будешь моей волчицей, - щерится.

«Ну прощай, Марго Соколова – птица высокого полета. Пора обрезать твои крылья», - думаю я.

А потом беру ручку и ставлю подпись под договором. Смотрит, кивает.

- Завтра в десять за тобой заедут.

Встаю и на ватных ногахдвигаюсь к двери. Коридор, лифт. Из зеркала смотрит женщина с мертвыми глазами.

- Ну что, Золушка, - почти смеюсь. - Карета подана. Только кучер - дьявол, и ты знаешь, что никакой принц тебя не ждет. А вся твоя жизнь уже превратилась в тыкву.

На улице открываю приложение такси. Раз я теперь богатая невеста, в метро можно не идти. Да и не вынесу сейчас подземку...

Начинает накрапывать дождь. Хочу убрать мобильный в сумочку, но тут телефон вибрирует. Незнакомый номер. Колеблюсь секунду. И принимаю вызов.

- Привет, мамуля! - голос мужской, молодой.

- Вы ошиблись.

- Нет, это ты ошиблась, когда приняла условия моего отца. Звоню поздравить тебя с этой ошибкой. Ну и сказать тебе что ты почти уже труп.

Сглатываю, потом прочищаю горло.

- Что? Вы вообще кто? - спрашиваю, пытаюсь не дать прорваться паническим ноткам.

- Я то? Я теперь твой сынуля, - ржет. - Ну или вернее скоро им стану.

- Что вам нужно?

- Чисто потрендеть. Мы же теперь одна семья.

- Всего доброго, молодой человек, - говорю я, и отключаюсь

Дождь усиливается, капли бьют по асфальту, по голове, по голым рукам..

«Ты почти уже труп. Мило. Очень мило».

Смотрю на шлагбаум - такси уже моргает фарами, но ноги приросли к мокрому асфальту.

«Мамуля, блин!»

Внутри закипает злость. Тыкаю обратный вызов.

- О, привет. Передумала быть покойницей? – ржет.

- Говорите, - мой голос звучит почти как приказ. Все-таки злость – отличное внутреннее топливо.

- Ты знаешь, что жизнь состоит из кучи выборов?

«Да вашу ж мать! Что за нахер!».

- Слушай ты, - выдаю я, - Если тебе есть что сказать – говори. Если нет – да пошел ты куда подальше!

- Ого-го, - хмыкает. – Звучит как будто бы ты вовсе и не дура. Ну что же, это прекрасно. Значит у тебя еще есть шанс. Короче. Выходишь за шлагбаум, поворачиваешь направо. Увидишь черный джип. Тонировка в ноль. Жду.

Он отключается. Стою еще секунду. А потом отменяю такси и иду туда, куда он сказал.

Глава 2

Машину узнаю сразу - черный гроб на колесах.

«Жизнь становится все чудесатее. Ну что там еще из детских страшилок меня ждет?».

Пассажирская дверь открывается.

- О, мамуля, - усмехается красивый молодой мужчина, сидящий за рулем. - Че зависла? Садись.

Забираюсь внутрь, захлопываю дверь. Становится тихо, только шум дождя по крыше и низкий гул мотора.

- Давай прокатимся немного, - опускает руку на рычаг переключения передач. - Только замок на двери не трогай. Дернешься - система заблокирует колеса. И нам пиздец.

- Вы..., - начинаю я.

- Шутка, - перебивает. - Держись, - вдавливают педаль газа.

- Куда мы едем? - хватаюсь за ремень безопасности и безуспешно пытаюсь пристегнуться на скорости.

- Да так, прокатимся. Брось ремень, - фыркает. - Разрешаю.

- Нет уж, - пыхчу, втыкая штекер в гнездо.

Таращится на меня с нескрываемым интересом. Резкие скулы - отцовские, это уже успела заметить. Кожаная куртка, цепь на шее, взгляд человека, которому скучно жить без риска. Лет двадцать пять. Красивый и явно привыкший, что

все вокруг горит, а он стоит в огне и улыбается.

- А ты... интересное зрелище, - хмыкает.

- Compliments оставь при себе. Ты сказал - я труп. Объясняй.

- Ща, не гони.

Резко выкручивает руль, вламываясь в поток. Сзади возмущенные сигналы и визг тормозов.

- Да пошел ты, - смеется в зеркало заднего вида. Потом поворачивается ко мне. — Ну так вот, мамуля...

- Прекрати меня так называть.

- О, зубастая. Ваще заебись. Ну так вот, мой отец - не просто бизнесмен. Он акула. Но в последнее время вода вокруг него мутнеет. Налоговая, полиция, конкуренты. Всем нужен кусок. Ему нужно кого-то сдать.

Внутри холодеет. Я знала. Я ведь точно знала, что просто так долги не списывают.

- И этот кто-то - я.

- Соображаешь, - кивает. - После свадьбы на тебя запишут счета. А там начнется движуха - много-много грязных денег. Когда грянет гром, все стрелки переведут на тебя. Папик останется в стороне. А ты в лучшем случае сядешь, а в худшем... - тянет, явно наслаждаясь, - Владислав Волков останется обманутым вдовцом с безупречной репутацией. Молодая жена-аферистка не выдержала позора и вышла в окно. А он ее таааак любииил, таааак любииииил...

Пытаюсь проглотить ком в горле. И тут в голове звучит го-

лос - спокойный, бархатный: «Полной лояльности. Полной». Слышу его так четко, будто он здесь, в этой машине. Сидит на заднем сиденье и смотрит в затылок. Тяжелым, физически ощутимым взглядом сканирует товар, который только что купил.

- Водичка в двери, - говорит парень. - Глотни.

Опускаю глаза, беру бутылку, делаю глоток. Вода ледяная, горло перехватывает. Закашливаюсь.

- Ну бля-а-а, - морщится. - Лезь в бардачок, там салфетки. Вытри приборку.

Послушно открываю ящик, достаю салфетки, начинаю возить по панели. И странное дело - это простейшее механическое действие приводит в чувство лучше, чем все попытки думать.

Комкаю салфетку, убираю в сумочку.

- А ты? - говорю я. - С какого перепуга ты решил взять под опеку молодую жену отца?

- Мне надоело жить на подачки, - скалится, и в этой улыбке настоящая злость. - Папаша считает, что я тупой мудака. Может, я и мудака. Но точно не тупой.

- И я должна помочь тебе доказать...

- Ты умная. Это меня и удивляет больше всего. Он обычно выбирает красивых и тихих. А ты... другая...

Смотрю на него: профиль резкий, подсвеченный городскими огнями.

«Вот за кого замуж надо выходить», - мысль появляется

ся внезапно, но она такая отчетливая, что я чуть не смеюсь вслух.

Молодой, дерзкий, живой. А не тот холодный волк в дорогом костюме с запахом металла и угрозами, которые он произносит тоном прогноза погоды. Смотрю на то, как он ведет машину, как бросает короткие взгляды в зеркало, как держит руль одной рукой, небрежно, будто все под контролем - и думаю: он наверное, сволочь, но он живой.

А потом вспоминаю: папа в долгах, мама болеет, брату надо учиться, в сумочке подписанный контракт.

«О чем ты вообще думаешь, идиотка?».

- Что конкретно я должна делать? - спрашиваю ровно.

Чуть притормаживает и сворачивает на боковую улицу.

- Переезжаешь. Улыбаешься. Играешь роль. А потом ждешь, пока он тебе не начнет доверять.

- И сколько ждать?

- Столько, сколько нужно, - бросает на меня косой взгляд.

- Но ты умная. Придумаешь как ускорить.

- Как именно?

- Ну... - делает паузу. - Мой отец не каменный. Когда ты окажешься рядом... когда он захочет тебя..., - замолкает.

- Значит, мне нужно с ним спать, чтобы он начал мне доверять, - произношу максимально спокойно.

- Ты в любом случае будешь с ним спать, - он не отводит взгляд от дороги. - Разве нет?

Он прав. И именно это бесит больше всего!

- Ты же училка? - продолжает. - Мораль, нравственность... Слушай, это все красиво в теории. Но у тебя нет морального выбора. У тебя есть выбор между смертью медленной и быстрой. согласишься на роль овечки - сядешь или хуже. Поможешь мне - выйдешь сухой.

Смотрю на его профиль. Ищу ложь. Вижу только все ту же злость - давнюю, хорошо выдержанную. Он не любит отца - и это не поза.

- Яблочко от яблони, - шепчу, почти себе.

- Что?

- Ничего. Как тебя зовут хотя бы, наследничек?

- Антон, - короткая пауза. - Можно Тоха.

- Нет, нельзя. Антон.

Откидываюсь на спинку.

- И что конкретно я должна делать?

- Кабинет. Второй этаж, дальняя комната. Там сейф. Мне нужен код. И ты его узнаешь, - утверждает.

- С чего вдруг такая уверенность?

- Потому что ты уже полчаса в этой машине и ни разу по-настоящему не испугалась, - он чуть поворачивает голову. - Злилась - да. Но не боялась.

Молчу.

Машина сворачивает на парковку торгового центра. Антон глушит мотор. Наклоняется ко мне - первый раз полностью, лицом к лицу. Глаза у него темные, красивые. И усталые. Но совсем не так, как у отца. У того усталость хищни-

ка. У этого - усталость человека, которого слишком давно не замечают.

«Вот за кого замуж надо выходить»,- снова всплывает мысль.

И на этот раз я ее не прогоняю сразу.

Даю ей побыть со мной хотя бы одну секунду.

Глава 3

Отцы и дети – роман скучный, если честно. Но метафора – отличная. И прямо сейчас я в нее вляпалась.

Сын - злой. Но живой и честный в своей нечестности.

Отец... Отец – пресыщенный, усталый и от того еще более опасный.

Закрываю глаза и вспоминаю, как он сидел напротив меня - очень близко, нарочно близко. Серые холодные глаза, гипнотизирующий голос, от которого хотелось одновременно бежать и не двигаться. Запах парфюма. Вспоминаю, как он посмотрел на мои губы в конце разговора - секунду, не больше, - и я почему-то это заметила и почему-то не забыла.

Вот и разница.

Отец опасен тем, что ты его боишься и все равно остаешься.

Сын опасен тем, что ты понимаешь: с ним было бы проще. И именно поэтому нельзя.

- Еще одно, - голос Антона выдергивает меня из мыслей. - Не верь ему. Ни единому слову. Даже если он будет говорить о любви.

- О какой любви? - смеюсь. Звук выходит резким.

- О чистой и светлой, - ухмыляется.

- Вы все психи.

Антон отводит взгляд. Смотрит прямо перед собой. Про-

филь жесткий, скулы резкие. В полутьме салона он похож на отца - и совсем на него не похож.

- В этой жизни живут на полную только психи, - пожимает плечами. - Мир такой, крошка. Все. Иди.

Открываю дверь. Холодный дождь сразу бьет в лицо.

- Пока, мамуля, - бросает он мне вслед.

Закрываю дверь, Стою на парковке. Вода стекает по волосам, по лицу, пропитывает плечи. Я дрожу. От холода - точно. От страха - немного. От чего-то еще, чему я пока не могу дать названия - тоже.

Два волка. Отец и сын. Старый и молодой.

Один сделал из меня товар - спокойно, по-деловому, как человек, привыкший, что все покупается.

Другой предлагает сделку - дерзко, нагло, с улыбкой, за которой прячется что-то почти человеческое.

«Вот за кого замуж надо было выходить», - думаю я в третий раз.

И злюсь на себя за эту мысль. Потому что Антон Волков - не спаситель. Он - другой вид ловушки. Красивый, теплый, с живыми глазами.

Но это все равно ловушка.

Вызываю такси. Пока едет - стою и смотрю, как дождь барабанит по асфальту.

Месяц до свадьбы.

Завтра - чужой дом, чужие стены, чужой мужчина, который купил меня за долг отца и называет это браком. Не знаю,

какой хищник в этой охоте опаснее. Но знаю одно: я не буду стоять и ждать выстрела. Если мне суждено быть волчицей - буду выть на луну так, чтобы весь этот гребаный мир перевернулся.

Такси приезжает через пару минут. Полчаса и я у своего подъезда. Тяжело поднимаюсь по лестнице. Открываю дверь, захожу - в квартире тихо. Прохожу на кухню, включаю чайник, понимаю что руки все еще трясутся.

Открываю шкафчик, где еще с нового года остались какие-то бутылки. Беру водку. Мне сейчас нужно – как лекарство. Выпиваю стопку залпом. Обжигает горло, потом мягкой жаркой волной растекается по всему телу.

«А теперь горячий душ, иначе я завтра проснусь с воспалением легких».

Разворачиваюсь и иду в ванную. Может быть, это было бы и круто – слечь с температурой и гори оно все...

Но – нет. Я не могу себе этого позволить.

Из зеркала в ванной на меня смотрит женщина, которая собирается заключить сделку с дьяволом, чтобы обмануть другого дьявола.

- Ну привет, - говорю я. – Попали мы с тобой в переделку.

Женщина кривит губы в усмешке. Красивая, умная, воспитанная женщина. Которой нужно стать волчицей. Самой по себе. Самой для себя.

- Прорвемся, крошка, - вздыхаю.

А потом скидываю с себя мокрые шмотки и забираюсь под

горячую воду.

Душ согревает и успокаивает. Я торчу в ванной долго-долго. Пока голова не становится ясной, пока из тела не уходят остатки дрожи – от холода, дождя, подписи под контрактом и слов дерзкого волчонка в его гробе на колесиках.

Окончательно согревшись, наконец-то выключаю воду, вытираюсь и иду в спальню.

Достаю небольшой дорожный чемодан. Владислав сказал не брать вещи.

«У тебя все будет новое».

Но он не запрещал брать воспоминания.

Кладу в чемодан фотографию – мамы и нас с братом. Она стоит у меня на тумбочке.

Кладу свой подростковый дневник. Тот, где я писала стихи в шестнадцать лет. Глупые, девчачьи стихи о любви. Он со мной так и перемещается из квартиры в квартиру. Осколок счастливого детства.

Кладу нож. Маленький, перочинный, острый. На всякий случай. В клетке нужны зубы. Пусть и такие... наивные.

Закидываю любимый теплый свитер и джинсы, пару белых кед, белье, пижаму, спортивную форму и беговые кроссы.

Ну вот, кажется, и все.

Ставлю чемодан в угол и ложусь. Дождь все еще идет. Ритмично стучит по стеклу.

Отсчет моего свободного *лично*времени.

Которого у меня осталось всего-то до завтрашнего утра...

Глава 4

Просыпаюсь от головной боли. Водка - дерьмовое лекарство, но вчера она была единственным способом не сойти с ума.

Несколько минут лежу на спине и смотрю в потолок. Штукатурка местами отслаивается, рисуя карту неизведанных земель. Сегодня я отправляюсь в путешествие по одной из них. В страну под названием «Ад».

Встаю. Тело тяжелое, ватное. В зеркале отражение с синяками под глазами.

Волчица, ага. Полудохлая.

Смотрю на экран телефона – до времени «Ч» у меня еще час. Ну и отлично.

Тащу себя на кухню. Щелкаю кнопку кофеварки. Пока она будет пыхтеть – я успею ополоснуться...

Ровно в десять в дверь звонят.

На пороге – двое из ларца, одинаковых с лица. Ну или из фильма «Люди в черном». Один хрен по сути.

- Маргарита Николаевна?

- Ее нет, - говорю я, выдавая свою самую ослепительную улыбку.

- Эээээээ, - тянет один и бросает взгляд на напарника.

- Она шутит, - отвечает тот, сверля меня взглядом.

«Ну что ж, хоть один из них не совсем тупица», - думаю я, таращась в ответ.

- Вы готовы? – спрашивает тот который поумнее.

- Всегда, - отвечаю я. – Вещички прихватите, пожалуйста, - я киваю на свой чемодан.

Они переглядываются, потом один из них берет мои скудные пожитки. А я оглядываю прихожую – ну что ж, пока-пока моя маленькая съемная квартирка у черта на куличках. Я отправляюсь в лого зверя.

Дорога занимает около часа. Мы выезжаем за город. Лес, туман, мокрый асфальт. Чем дальше мы едем, тем реже встречаются машины. Наконец, ворота. Высокие, кованые, с камерами наблюдения. Они открываются автоматически, стоит машине подъехать.

Мы въезжаем на территорию.

Дом... Это не дом. Это крепость. Три этажа, стекло, бетон, минимализм. Никаких уютных балкончиков с цветами. Все строго, дорого и... бездушно. Как и сам Владислав Волков.

Машина останавливается у входа. Дверь открывает охранник. Дождь снова моросит, мелкий, противный.

- Добро пожаловать, - басит громила.

Выбираюсь из машины, поднимаюсь по ступенькам крыльца, тяну тяжеленную дверь и захожу в свой новый дом.

Холл огромный. Люстра из хрусталя, которая выглядит

как сталактиты в пещере. Пол из мрамора. Как будто бы такой холодный, что это чувствуется даже через подошву моих туфель.

Тишина. Ни звука шагов, ни голоса прислуги.

«Ну и где великий и ужасный и его свита?»

- Марго?

Подпрыгиваю. Вроде и ждала, а вроде и не ожидала.

Поворачиваюсь на голос.

Он стоит на боковой лестнице. На нем домашние брюки и лонгслив, обтягивающий мускулистые руки и округлые грудные мышцы.

«А ты у нас качалку любишь, да?», - думаю я, невольно любясь красивым мужским телом.

- Владислав Андреевич, - киваю я.

- Мы теперь семья, - медленно спускается по ступеням. - Можно просто Влад. Или... муж.

- Давайте пока просто Влад, - отвечаю я. - До мужа еще дожить надо.

Он подходит вплотную. И я думаю, что здесь он выглядит моложе, чем в офисе. Моложе и опаснее. Хищник в своей берлоге чувствует себя увереннее.

- Ты боишься не дожить до свадьбы? - тихо произносит он, приближаясь еще больше.

Теперь между нами расстояние на пару вдохов.

Вижу расширенные зрачки. И слышу запах табака и морской свежести.

- Ну вдруг мне кирпич на голову упадет, - шепчу я доверительно.

- Кирпичи просто так на голову никому не падают, уж ты-то должна это знать - ухмыляется.

Замираю.

«Эта акула бизнеса и ходячая качалка знает о писателе Булгакове?! Да ну не может быть!».

- Интересееесно, - тянет он. - Ты дерзишь, потому что думаешь - твоя дерзость меня отпугнет? - его голос становится ниже. А его тело - все его большое сильное тело - ближе и ближе.

Он смотрит мне прямо в глаза, а потом наклоняется к моему уху. Я чувствую горячее дыхание на коже. По телу пробегают противные мурашки.

- Тогда, - продолжает, - Ты глупее чем я думал. Всем мужчинам нравится огонь. Но огонь нужно контролировать. Иначе он сожжет дом.

- Тогда, - я сглатываю, - Тогда не подливайте масла.

Отстраняется. Смотрит на меня сверху вниз. В его взгляде мелькает... раздражение? Интерес? Собственник осматривает покупку, у которой неожиданно выявились не предусмотренные инструкцией свойства?

- Владислав Андреевич! – сзади раздается голос одного из моих сопровождающих. – Это куда?

Я оборачиваюсь. Амбал, тот который потупее, держит на вытянутой руке мой чемоданчик.

- А это что, Игорек?

- Это мои вещи, - встречаю я. — Так, ничего особенного, женские штучки.

- Там нож, - басит Игорек.

- Яблочко вдруг почистить захочется, - бормочу я.

- Яблочко – это хо-ро-шо, - произносит Влад по слогам. —

Отнеси в спальню моей невесты. И ее туда же...

- Отнести невесту? – глаза амбала округляются.

- Думаю она, - Влад переводит взгляд на меня, - И сама дойдет. Да, Марго?

- Конечно, дорогой, - скалю зубки.

- Ну вот и славно.

Игорек делает шаг к лестнице, я за ним.

- Ты только дверь за нею запереть не забудь, - слышу я сзади глумливый голос...

Глава 5

Меня ведут по коридору. Длинному, с картинами в абстрактном стиле. Черно-белые пятна. Никаких лиц. Никаких эмоций.

- Вот ваша комната, - Игорек открывает дверь.

Заглядываю в проем двери. Комната огромная. Кровать с балдахином, окно во всю стену, вид на лес. Я вхожу, а мой сопровождающий ставит чемодан на пол и аккуратно закрывает за собой дверь.

Слышен поворот ключа.

«Охренеть! Это была не шутка! Они меня заперли!»

«Вот же чертовы мудаки!»

Хотя с другой стороны... с тех пор как я начала злиться... когда мелкий волчонок позвонил и нахамил – я как будто и бояться стала меньше.

Как там говорят – нет худа без добра?

Подхожу к окну. Лужайка. Сад. Лес. Заборов никаких не видно. Но может у них тут как в кино – невидимая защита по периметру?

Вздыхаю. Обхожу комнату по кругу. Гардеробная, полная каких-то немыслимых тряпок. Ванная комната, отделанная мрамором, в шкафчике косметика, несколько флаконов с духами.

Присаживаюсь на кровать. Что делать то? Комнату запер-

ли... Пойти что ли в джакузи поваляться? Дурацкая мысль!
А с другой стороны – я никогда не плавала в джакузи.

Скидываю шмотки и решительным шагом двигаюсь в ванную.

- Тук-тук-тук, - вежливый стук в дверь.

Мечусь в гардеробную, хватаю какой-то халатик или платье – черт его разберет, накидываю на себя и говорю: - Войдите!

Замок щелкает и в комнату входит женщина – взрослая, лет под шестьдесят. В строгом платье с белой брошкой на груди.

- Маргарита Николаевна, здравствуйте, я зашла поздороваться, - говорит она, чуть косясь на грудь моих шмоток, сиротливо валяющихся на полу у кровати.

- Добрый день, - отвечаю я максимально светским тоном, кутаясь в шелковое нечто.

- Обед будет подан через полтора часа. В столовой. Владислав Андреевич сегодня работает из дома, поскольку ждал вашего прибытия...

«Я что поезд?» – мелькает глупая мысль и я еле-еле сдерживаюсь, чтобы не хмыкнуть.

- Поэтому обедать вы будете вместе, - продолжает, - Хотя обычно он днем дома не бывает. Если вам что-то нужно, вы можете набрать внутренний номер, - она кивает на тумбочку, где стоит небольшой стационарный телефон. - А пока не буду мешать вам располагаться, - она еще раз коситься на грудь

тряпья и разворачивается к двери.

- Подождите. Пожалуйста, - говорю я. – А как вас зовут?

- Ох, - она поворачивается обратно ко мне, - Простите, не представилась. Мария Петровна.

- Очень приятно, Мария Петровна. И спасибо, что зашли.

Она царственно кивает и выходит.

И я не слышу поворота ключа!

Ага, ее, наверное, забыли предупредить, что меня надо запереть.

Тихо, на цыпочках подкрадываюсь к двери, тяну ее на себя. Открыто!

«Ну что ж, можно и прогуляться чуть-чуть по этажу»,

- думаю я, выбираясь в коридор. Они же не в курсе, что я больше не заперта.

- Охрана уровня «Бог», - шепчу я в пустоту.

Ковер глушит шаги. Вспоминаю слова Антона: *«Второй этаж. Дальняя комната. Кабинет».*

Глянуть? Пока есть возможность.

Коридор длинный. Это не дом, это какая-то взлетная полоса. Слева двери. Справа окна. За ними сад и ни души. Только камеры наблюдения по углам.

«Черт, - пролетает мысль, - Как бы не стать звездой внутреннего порноканала».

На мне шелковое платье цвета шампанского. Длина - чуть ниже попы. Если охрана смотрит в мониторы, то уже точно решила, что босс женится на стриптизерше.

- И пусть, - шепчу, поправляя пояс. - Если предстоит быть жертвой, то хотя бы красивой.

Добираюсь до конца коридора. Здесь дверь отличается. Массивное дерево. Никаких ручек, только сенсорная панель. Видимо это и есть кабинет.

Что дальше? Постучать?

«Привет, муж, можно я на твой сейф гляну?»

Берд какой-то. Да и звучит... пошло....

Но рука как будто сама собой поднимается и тянется к панели.

- И что ты тут делаешь, Марго?

Голос прямо за спиной.

Дергаюсь. И непроизвольно делаю шаг вперед, чуть не ударившись носом о дорогую древесину.

- Испугалась, киса? – фыркает.

Оборачиваюсь. Владислав стоит в десяти шагах. Откуда он тут взялся? Из одной из кучи дверей что ли вышел?

- Владислав Андреевич, - пишу.

- Мы же договаривались, - он делает шаг, второй, третий. Медленно. Хищно. - Влад. Или муж. Или ты всегда такая формалистка, когда нервничаешь?

- Я не нервничаю, - вру. И добавляю мысленно: *«Я офи- геваю от того, что ты материализовался из воздуха, как джинн из бутылки»*.

- Нет? - Он останавливается в двух шагах. Его взгляд скользит по мне. От лица к ногам и обратно. Я чувствую этот

взгляд физически. Будто он проводит ладонью по ткани. - Просто решила пройтись по дому... эммммм... полуголая? Ну что ж...

Опускаю глаза вниз. Солнце бьет в окно, подсвечивая шелк насквозь. Контур тела виден четко. Соски предательски твердеют от страха. Тьфу ты, блин.

Скрещиваю руки на груди. Бесплезный жест. Это лишь подчеркивает то, что я пытаюсь скрыть.

- Я искала... искала... библиотеку, - вскидываю подбородок.

«Господи! Почему библиотеку??!»

- У каждого уважающего себя олигарха, - продолжаю, - Должна быть библиотека. Кожаные переплеты, запах старой бумаги... первый том «Войны и мира» в оригинале... У вас есть? - невинно улыбаюсь. Хотя получается, кажется, не очень.

Владислав моргает. Потом выдает смешок. Низкий. Глубокий.

- Библиотеку, - он произносит это слово так, будто я сказала что-то неприличное.

- Нууу... да, думала полистать что-то... до обеда, - пытаюсь сделать голос максимально уверенным.

А что делать? Тем более он, судя по всему, итак, понимает, что я несущу. Так что можно уже и париться.

- Я могу... показать тебе... библиотеку, - он делает еще один шаг.

Теперь между нами считанные сантиметры. Я упираюсь спиной в холодную стену. Отступать некуда. Он нависает надо мной, закрывая свет. Потом поднимает руку и проводит большим пальцем по моим губам.

- Тем более там есть очень удобный диван...

Глава 6

Я пытаюсь увернуться от прикосновения, но моя голова прижата к стене и деваться мне совершенно некуда.

- Простите, пожалуйста, - я ужом скольжу вдоль стены, - Но может быть это была глупая идея? Я позже... позже прочитаю... И до обеда времени почти не осталось...

Он отстраняется - совсем чуть-чуть. А потом его пальцы ложатся на ткань платья у шеи.

Медленно. Как будто у него вечность впереди.

Вниз по ключице. Невесомо, но я чувствую каждый сантиметр - сквозь ткань, сквозь кожу, сквозь весь мой здравый смысл, который уже орет «беги».

Его ладонь скользит ниже-ниже-ниже. По талии, и дальше. Туда, где ткань платья заканчивается. Туда где его горячие пальцы наконец касаются моей голой кожи.

Я не дергаюсь.

Я *замираю*. Что гораздо хуже.

- Тебе нравится, киса? - хрипит он.

- Щекотно, - выдавливаю я.

Он моргает. Раз. Другой. И в эту секунду я выскальзываю и начинаю пятиться задом по коридору. К своей комнате. Вот уж не думала, что буду так хотеть туда попасть!

- Ну и куда ты собралась?

Он в один шаг догоняет меня и берет за запястье. Сильно,

но не больно.

- Отпустите, - говорю я тихо.

- Отпусти, - поправляет он. Его голос становится жестче.

- Скажи: отпусти меня, Влад.

- Отпусти меня, Влад, - выдыхаю я. - Доволен?

- Пока нет, - он убирает руку. - Но процесс мне нравится.

- Я могу идти? Я бы хотела... переодеться к обеду.

- Иди.

Я поворачиваюсь и мчусь по коридору. Дверь в мою комнату приоткрыта. Я залетаю туда и закрываюсь. А потом опускаюсь на пол. Сердце колотится как бешеное. Руки трясутся.

«Библиотеку, блин».

Идиотская отмазка. Но Шекспир бы оценил.

«Быть или не быть сексу в библиотеке – вот в чем вопрос».

Провожу рукой по шее и бедру. Там, где он касался. Кожа горит.

Встаю. Подхожу к окну. Внизу, у входа, стоит фигура. Охранник. Курит. Смотрит на дом.

Ладно. Надо и правда сходить в ванную, а потом попробовать выбрать что-то адекватное из одежды. Для волчьего обеда...

Я иду в ванную, включаю воду, добавляю пену из какого-то флакона с золотой крышечкой. Пахнет жасмином и чем-то еще, неуловимым. Забираюсь внутрь.

Горячие струи бьют по спине, массируют уставшие мышцы. Закрываю глаза и погружаюсь под воду с головой. Пузырьки лопаются у ушей.

В тишине подводного мира нет ни долгов, ни волков, ни сделок. Только я и вода. Так бы и лежала вечность... но, надо собираться.

Я со вздохом вылезаю из воды, обтираюсь пушистым полотенцем. Иду в гардеробную.

Это не шкаф. Это бутик. Вешалки с одеждой тянутся вдоль стен. Платья, костюмы, блузки. Перебираю ткани. Шелк, бархат, кашемир. Цены на бирках заставляют морщиться. Одно платье стоит больше, чем я зарабатывала за год в школе.

- Нет, - шепчу я, отодвигая слишком откровенные вещи.
- Никакого глубокого выреза. Никакой прозрачности...

Выбираю темно-синее платье. Закрытое, с рукавами, длинной ниже колена. Ткань плотная, держит форму. Броня. Застегиваю молнию на спине. Смотрю в зеркало.

Там строгая женщина. Учительница литературы из какой-нибудь элитарной частной школы. Никакой сексуальности, только холодная недоступность.

- Вот так лучше, - киваю я. - Пусть давится своей добычей.
Ровно в два стук в дверь.

- Маргарита Николаевна? - голос мужской.

- Войдите, - отвечаю.

Дверь открывается. На пороге стоит Игорек. В черном ко-

стюме, с наушником в ухе. Выглядит как вышибала из клуба.

- Владислав Андреевич просил проводить вас в столовую, - произносит бесцветным голосом.

Киваю, прохожу мимо него и выхожу в коридор. Игорь идет сзади. Не вплотную, но достаточно близко, чтобы я чувствовала его присутствие.

«Конвой. Видимо, прогулка по этажу мне больше не светит. Решил, что я слишком любопытная».

Спускаемся по лестнице. Холл встречает меня тем же холодным величием. Игорь открывает двойные двери в конце коридора.

- Столовая, - рапортует.

Захожу внутрь.

Комната светлая, с панорамными окнами в сад. Посередине - длинный стол из темного дерева. На нем сервировка на две персоны. Серебро, хрусталь, свечи... Днем? Странно, но красиво.

Влад стоит у окна. Он переоделся. Теперь на нем темно-серый костюм, белая рубашка без галстука. Выглядит безупречно. Будто только что вышел с совещания, а не пугал невесту в коридоре.

Он поворачивается, когда я вхожу. Взгляд скользит по моему платью. Задерживается на лице.

- Любопытный... выбор, - говорит он. В голосе нет разочарования. Скорее, интерес. - Садись, - он делает жест рукой.

Сажусь. Он следом. Берет в руки бутылку вина, наливает

мне и себе по бокалам.

Из боковой двери появляются пара официантов, приносят суп-пюре из белых грибов и горку хрустящих гренок.

Запах еды ударяет в нос. И тут я понимаю, что зверски голодна. Со вчерашнего вечера во рту маковой росинки не было. Только вода и кофе.

Я не знаю надо ли ждать приглашения. Но есть хочется ужасно, поэтому я сразу нападаю на еду.

Влад приподнимает одну бровь. Его взгляд тяжелый, но не неприятный. В нем есть какое-то... одобрение.

- Ты не играешь в «не ем при людях», - замечает он.

- Я не модель, - говорю я, проглотив очередную ложку вкуснейшего супа, - Я живу в реальном мире. Там люди едят, когда голодны.

- Это хорошо, - он берет свой прибор. - Я не люблю истеричек и анорексичек. Здоровая женщина - красивая женщина.

Мы едим в тишине. Только звон приборов нарушает покой.

Напряжение, конечно, никуда не делось, оно висит в воздухе, густое, как аромат вина. Но сейчас оно другое. Не угрожающее. Скорее... ожидающее.

Я расправляюсь с супом. Официант как призрак вырастет за спиной и ставит передо мною деревянную доску, на которой шипит стейк.

- Пахнет сногшибательно, - не выдерживаю я.

- Мария Петровна старается, - Влад вытирает губы салфеткой. - Она работает у меня много лет. Знает мои предпочтения.

- Мои мне тоже надо озвучить? - спрашиваю я с легкой иронией.

- Безусловно, - в голосе нет и тени юмора.

Я беру в руки вилку с ножом.

И в этот момент дверь в столовую открывается.

Не стучали. Просто распахнули.

На пороге стоит он.

Антон.

Но это не тот хам, который матерился в машине и называл меня «крошкой». Этот Антон одет в дорогой костюм, волосы уложены, на лице - вежливая, почти светская улыбка.

- Антон? - в голосе Влада прорезается сталь. - Ты что тут делаешь?

Антон входит в комнату, не теряя улыбки. Движения плавные, уверенные. Он выглядит как наследник империи, каким и является.

- И я рад тебя видеть, отец, - почти мурлычет. - Я же должен был познакомиться с твоей невестой...

- Ну что ж, - сухо. - Почему бы и нет...

Влад встает. Обходит стол, подходит ко мне.

- Маргарита, позволь представить. Мой сын, Антон Владиславович.

Я встаю. Вытягиваю руку. Вежливость - оружие королей.

И учителей.

- Очень приятно, - говорю я светским тоном.

Антон подходит вплотную. В его глазах пляшут чертики.

Он берет мою руку. Не пожимает, как деловой партнер, а... подносит к губам.

Губы касаются кожи. Легко. Почти невесомо.

Но от этого прикосновения по всему моему телу пробегает электрический разряд...

Глава 7

«Ты красивая телка», - звучит вдруг в голове фраза, которую Антон произнес в машине.

Я инстинктивно отдергиваю руку. Поднимаю глаза. Влад наблюдает за нами. Его челюсть сжата.

«Интересно, о чем он сейчас думает?»

- Обедать будешь? - спрашивает Владислав ледяным тоном.

- С удовольствием, - Антон садится напротив меня. - С утра на ногах.

- И чем же занимался?

- Да так..., - Антон пожимает плечами.

- Как обычно..., - Влад поджимает губы.

Официант приносит Антону приборы, тихо интересуется: желает ли он суп или сразу горячее.

- Можно без прелюдий, - смеется Антон, глядя на меня, - Возьмем сразу быка за рога ну или вернее за вырезку.

Влад хмыкает, а я смотрю на Антона.

В машине он был грубым, опасным. Сейчас он - лакированная версия себя.

Он берет бокал с водой. Его пальцы длинные, сильные. На мизинце кольцо. Серебрянное с черной гравировкой. Стильно.

«Хватит пялиться!».

Я хочу перевести взгляд, и тут он его ловит. Уголок его губ едва заметно приподнимается.

- Ну как вам в нашем, - он выделяет слово «нашим» интонацией, - нашем доме, Маргарита Николаевна? Все нравится?

- Дом впечатляет, - отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал максимально равнодушно. - Хотя... немного холодный.

- Это дело поправимое, - Антон смотрит на отца. - Тепло дают не стены, а люди, верно, отец?

Влад хмурится еще сильнее.

- Ешь, Антон. И не философствуй.

- Как скажешь, - Антон отрезает кусок стейка. Белые зубы впиваются в мясо.

Я опускаю глаза в тарелку. Сердце снова начинает ускоряться.

Два волка за одним столом. Один - старый, опытный, владеющий территорией. Другой - молодой, голодный, желающий занять его место.

А я - кусок, от которого каждый из них хочет откусить.
«Вот уж нет!».

Я сжимаю вилку в руке.

- Спасибо за заботу, Антон, - говорю я, поднимая взгляд.
- Но я предпочитаю сама создавать тепло.

Антон смеется. Звук получается искренним.

- А она хороша, да отец?

Владислав смотрит на меня. В его глазах вспыхивает что-

то темное. Гордость? Раздражение? Желание? Он протягивает руку, накрывает мою ладонь своей. Тяжелая, горячая рука.

- Именно поэтому она станет моей женой.

Антон смотрит на наши руки. Его улыбка не исчезает, но становится жестче.

- За семью, - поднимает он бокал.

- За семью, - повторяет Владислав.

Я молчу. Беру свой бокал.

«За выживание».

И делаю глоток.

Вино кажется кислым. Аппетит пропал. Теперь я лишь вожу вилкой по тарелке, имитируя процесс.

«Интересно, что еще мне придется имитировать в этом доме?».

Антон болтает о пустяках. О погоде, о машинах, о каких-то светских событиях. Влад отвечает односложно.

Я слушаю их голоса. Смотрю на их лица. Они похожи. Скулы, разрез глаз, форма подбородка. Но аура разная.

Владислав - это скала. Неподвижная, тяжелая, давящая.

Антон - это огонь. Подвижный, обжигающий, непредсказуемый.

И мне нужно маневрировать между ними.

- Маргарита, - голос Влада вырывает меня из раздумий. - Ты закончила?

- Да.

- Чай, кофе, - неожиданно раздаётся над ухом тихий голос.

Я вздрагиваю. Ну чего они так подкрадываются? Хорошо хоть вилку успела отложить.

- Чаю, пожалуйста, - я поднимаю глаза на официанта.

- А мне кофе принеси, дружище, - встречается Антон. – И пироженку фирменную от несравненной Марии. Я вам тоже очень рекомендую попробовать, Маргарита Николаевна.

- Спасибо, - выдавливаю из себя улыбку.

И тут в столовую вваливается Игорек.

- Владислав Андреевич, - он делает большие глаза. – Там звонит... ну то есть... там очень срочный звонок.

- Кто? Хотя... Хорошо, иду.

Влад встает.

- Друзья, спасибо за компанию. Антон, после чая можешь проводить Марго в... библиотеку? - он кидает на меня убийственный взгляд. - И не хами ей. Прошу.

- В библиотеку? – я прямо слышу, как внутри Антон падает от хохота, хотя внешне голос совершенно ровный, - Да, конечно. Мы, кстати, можем прямо там чай и попить. Я что-то наелся уже, - он отодвигает тарелку. - Согласны, уважаемая?

Влад морщится, но лишь сдержанно кивает и быстрым шагом выходит из столовой.

Антон ждет пока за ним закроется дверь, а потом откидывается на спинку стула и оглядывает меня.

Я тарашусь в ответ.

Он хмыкает, а потом встает, подходит ко мне и подает мне руку.

- Ну что, пройдемся? Может быть вам еще что-то показать. Здесь есть чудесная беседка в саду, - он подмигивает.

- Я даже не знаю, - пожимаю плечами.

- Поверьте, ее стоит осмотреть.

- Ну... если вы настаиваете, - я встаю.

- Эй, душнила! – кричит вдруг Антон и через пару секунд в проеме двери всовывается голова Игорька. – Скажи отцу, что я повел его невесту показать нашу... усадьбу. А Марии Петровне передай, пусть туда чай и кофе принесут.

- Я не..., - начинает амбал.

- Ты будешь делать то, что говорю я, - голос Антона становится ледяным. – А пойдешь жаловаться папаше, я найду за что тебя уволить, понял?

Лицо Игорка вытягивается, он открывает рот, но, видимо, решает, что лучше не спорить и кивает.

- Пошли, крошка, - шепчет мне Антон и я покорно иду, опираясь на его руку.

Мы выходим из столовой, пересекаем холл и через огромные панорамные двери выходим в сад.

Где-то в доме остается альфа.

А за домом – я и его отпрыск, который мечтает занять его место.

И я... я должна решить, кто из них поможет мне выжить.

Или кто из них убьет меня быстрее.

Глава 8

Свежий воздух бьет в лицо, охлаждая и приводя в чувство. После столовой, пропитанной напряжением и дорогим парфюмом, двор кажется отдельным миром.

Холодным, стерильным, но все же свободным.

Антон не отпускает мою руку. Его ладонь лежит на моем локте, крепко, но не больно. Скорее... направляюще. Будто он ведет... ценный экспонат на выставку.

- Ну что, впечатляет? - спрашивает он, кивая на раскинувшуюся перед нами территорию.

Я оглядываюсь. Дом за спиной отсюда выглядит еще массивнее. Стекло и бетон отражают серое небо. Вокруг - идеально подстриженные газоны, клумбы, где даже цветы будто построены в шеренгу.

- Красиво, - отвечаю я честно. - Но слишком правильно. Как на картинке.

- Папаша не любит сюрпризов в ландшафте, - Антон усмехается. - Все должно быть под контролем. Даже деревья растут там, где он разрешил.

Мы идем по мощеной дорожке. Под ногами хрустит гравий. Вокруг тишина, нарушаемая только шелестом ветра в кронах высоких сосен.

За газоном начинается сад. Красивый, ухоженный.

- А за садом что? - спрашиваю я.

- Лес, - отвечает Антон. - Частный. Охраняемый. Но туда лучше не ходить.

- Почему? Волки?

Он останавливается. Поворачивается ко мне. В его глазах пляшут те самые чертики, которые я заметила еще в столовой.

- Волки живут здесь, - он поднимает руку и проводит пальцами по моей щеке. Легко. Почти нежно. - В доме. А в лесу... в лесу можно заблудиться, потому что нет связи. Хотя... если пойти с кем-то, кто этот лес знает... и взять с собою какой-нибудь плед, то можно... поваляться на полянке...

Меня пробирает дрожь. Но не от страха, а от его прикосновения. От его слов.

«Волчонок решил со мною поиграть? Проверить мою реакцию?»

«Или в его план входит не только обчистить папашу, но и отбить его телку?»

- Ты..., - начинаю.

- Пойдем, - перебивает и подталкивает меня вперед. - Покажу тебе укромный уголок где мы и... поболтаем.

Я открываю было рот. Но потом почему-то покорно двигаюсь дальше.

«Не покорно! Но если выяснять что к чему - то укромный уголок то что надо!».

Мы выходим на небольшую поляну у края сада. Там стоит беседка. Белое дерево, резные колонны, внутри - стол, пле-

тенные диван и кресла.

- Тайное убежище, - объявляет Антон, пропуская меня внутрь.

Захожу, сажусь на диван. Антон садится рядом, закидывает ногу на ногу. Выглядит расслабленным, но я вижу, как его взгляд сканирует периметр. Похоже он чувствует себя здесь не совсем уютно. Либо тоже хочет убедиться что мы одни.

- Ну как прошел день? - спрашивает он, закидывая руку на спинку дивана ровно там где сижу я.

«Он же не собирается меня здесь обнимать?».

- День еще не закончен, - я чуть отодвигаюсь, чтобы разговаривать было удобнее. Ну и чтобы не чувствовать его руки, не думать: а все-таки обнимет он меня или нет? И не пытаться понять – а я хочу, чтобы он меня обнял или нет?

- Но пока все терпимо, - продолжаю.

Он наклоняет набок голову и смотрит на меня долго, изучающе. А потом поднимает руку, тянется ко мне и... заправляет мне локон за ухо.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не охнуть.

А потом легонько проводит по моей руке и сжимает в своей лапище мою ладошку.

- Поздравлю. Ты хорошо держишься. Большинство бы уже рыдали в подушку. Или пытались бы понравиться старику.

- Я учитель литературы, - говорю я первое, что приходит в голову.

«Ну а как тут думать, если моя рука в его руке, и при

этом мы сидим в беседке его отца – моего жениха??».

- И как это понимать? - хмыкает.

- Мы... учителя... мы привыкли иметь дело с драмами.

- Ага, - он смеется. - Твоя жизнь это типа... «Ромео и Джульетта» на минималках? Только вместо яда - брачный контракт?

- Если Джульетта это я... – поднимаю бровь. – То Ромео – ты что ли?

Он морщится и открывает рот, чтобы что-то ответить, но тут на дорожке появляется официант.

Антон резко отдергивает свою руку и откидывается на спинку дивана.

Я остаюсь сидеть как прибитая.

Официант идет быстро, но аккуратно. И тащит в руках огромный поднос. На подносе - фарфоровый сервиз, чайник, френч-пресс и горка выпечки. Круассаны, таралетки, пирожные.

- О, - Антон встает и делает приглашающий жест, - Ты очень вовремя.

Официант заходит в беседку, начинает расставлять чашки. Фарфор звенит тонко, музыкально. Запах чабреца и теплой сдобы заполняет пространство. Это так нормально. Так по-домашнему. Что это даже кажется ненастоящим.

Антон делает вид, что ему интересна сервировка, а потом усаживает в кресло напротив моего дивана.

Я придвигаюсь к столу. Беру чашку. Грею ладони. Горя-

чая чашка обжигает кожу, но приятно. Что-то я похоже не рассчитала – выперлась в одном платье на улицу...

Меня слегка передергивает. Но ничего – чай как раз то, что надо.

Делаю глоток.

- Попробуйте Маргарита Николаевна, - Антон кивает на круассан. - Мария Петровна печет лучше, чем кондитеры в Париже.

Беру кусочек. Откусываю. Тесто тает во рту. Сладко. Очень вкусно.

Антон поворачивается к официанту, который все еще суетится рядом.

- Все, дружище, - говорит он жестко. - Иди.

- Но...

- Я сказал, иди. Я дальше сам. И в ближайшие полчаса можешь не появляться.

Официант бледнеет, кивает и припускает по тропинке в сторону дома.

Я опускаю чашку на столик. Смотрю на Антона. Похоже волчонок наконец-то решил обсудить план?

- Короче, так..., - он переходит на деловой тон. – Я думаю, что ближайшие несколько дней тебе лучше затаиться. Папаша не дурак. И если ты начнешь шариться по дому, то у него могут возникнуть подозрения.

- То есть?

- Ну... можешь попробовать поиграть во влюбленную

невесту. Пусть он думает, что ты клюнула на его деньги и статус. Пусть расслабится.

- Это... сложно, - пожимаю плечами. - Он... давит.

- Он умеет давить, - хмыкает. - Но у него есть слабость. Он уверен, что все можно купить. Включая людей.

- Включая меня...

- Конечно, - кивает. - И пока он в этом уверен, он беспечен.

Я откидываюсь на спинку дивана, пытаюсь оценить, что сейчас происходит. Он говорит так уверенно... Как будто все это плевое дело. Но я вижу напряжение в его плечах. Хотя это и понятно. Если Влад поймет, что сын против него...

- Ну хорошо, - киваю. - Допустим, я буду играть роль. Допустим, я смогу как-то узнать код от сейфа и допустим, что меня не поймают. А дальше то что?

- Заберешь содержимое и передашь мне, - подмигивает.

- А что там? Что он хранит в сейфе? Не миллион долларов же!

Антон фыркает. И я замираю.

«Миллион долларов? А может и не один? И я должна их украсть?».

Я сглатываю.

- А когда я... ну если смогу... когда я узнаю код и заберу то, что лежит в сейфе... Дальше что? Думаешь, он не поймет кто это сделал? И как быть? Я не могу просто сбежать... У меня семья. Я, собственно, ради них...

- Ты не понимаешь, - начинает он. – Речь не идет о бабках..., - он вдруг замолкает и бросает взгляд мне за спину.

Я поворачиваюсь и вижу Игорька, который топает к нам, держа что-то большое и темное в руках.

- Тут есть камеры? – шепчу я.

- Раньше не было, - также шепотом отвечает он. – Бляя...

Но может они их поставил??

- А что это у него в руках? – в моем шепоте появляются панические нотки. – Это мешок для трупов?!

Глава 9

- Ну какой мешок для трупов, - Антон тарашится.

- А что? Если он, ну твой отец, все слышал, то что ему мешает послать этого Игорька чтобы... бах-бах и готово! А потом прикопать нас где-нибудь в вашем частном охраняемом лесу?? Ну или только меня...

И тут я понимаю, что о моем нынешнем местонахождении никто не знает! Из школы я уволилась еще летом, когда закрутилась вся эта история с отцовским долгом. А маме – маме я пока ничего не рассказала. Не хотела волновать, блин.

"Так что даже... если меня начнут искать... хрен кто найдет!"

Я перевожу взгляд на Антона, а он – он тупо ржет! Вот же гад. Красивый, самовлюбленный гад!

Поворачиваюсь обратно к Игорьку – он уже совсем рядом и понимаю, что это, конечно, никакие не мешки для трупов. Это... одеяло?

Игорек делает еще несколько шагов и останавливается у входа в беседку. Не заходит. Стоит как истукан.

- Маргарита Николаевна, - басит.

- Да? - я изо всех сил стараюсь, чтобы голос не дрожал.

Игорь разворачивает... Плед! Шерстяной, темно-синий плед!

- Вам холодно, - утверждает.

Я моргаю.

- Что?

- Владислав Андреевич считает, что вам холодно, - продолжает Игорь, не меняя тона. - Попросил отнести... это. Чтобы вы не заболели перед свадьбой.

- Спасибо, - я встаю. Он делает несколько шагов, разворачивает мягкую уютную шерсть и накидывает мне на плечи. Пахнет... пахнет Владом. Табак и дерево.

Игорь кивает удовлетворенно. Разворачивается и все тем же размеренным шагом топает обратно к дому.

- Что это было? – шепчу я. - Забота?

- Скорее контроль, - отрезает Антон. - Метит территорию. Чтобы ты помнила, кто здесь главный. Чтобы ты чувствовала его присутствие, даже когда его нет рядом.

Я глажу ткань пальцами. Мягкая, очень приятная на ощупь

- Ну вообще понятно..., - говорю я. - Больная невеста ему точно не нужна. А дохлая жена нужна не сразу...

- Ладно, - он встает. Резко. Будто ему стало трудно сидеть рядом. - Пошли обратно. Мы, итак, тут засиделись. Не стоит еще больше привлекать внимания.

Я поднимаюсь. Поправлю плед. Черт, я и правда замерзла. Антон смотрит на меня.

- Тебе идет цвет униформы, - ржет.

- Униформы?

- Синий – его любимый цвет. Он всех своих людей одевает

в синий.

Я оглядываю себя. Так вот о чем Влад говорил в столовой, когда похвалил мой выбор. Я же надела темно-синее платье!

- Нууууу, - тяну, - Я тоже люблю синий.

- Вот и прекрасно, - Антон фыркает. – Нашлась уже одна общая черта. Давай, двигайся.

Мы идем обратно к дому. Дорожка кажется длиннее, чем раньше. Тени сгущаются.

И вдруг я чувствую взгляд. Поднимаю глаза. В боковом окне второго этажа – кабинет? - видна фигура.

- Антон, - шепчу я.

Зачем шепчу? Рядом никого нет

- Что?

- По-моему он на нас смотрит, - скашиваю глаза. – Только головой не верти, подозрительно!

Антон вздыхает.

- Наверняка смотрит, - отвечает.

- Давай ему помашем, - прыскаю я.

- Вот ты..., - он вскидывает бровь, - Чудная!

- Почему?

- То трупы тебе мерещатся, то дразнить его собралась.

Я вздыхаю. Ну да. Что-то меня несет не по-детски. Бросает из крайности в крайность. А с другой стороны... ну а кто в таких обстоятельствах был бы спокоен как удав?!

- Но мне это нравится, - вдруг продолжает он. И голос становится ниже. Он почти мурлыкает. – Ты забавная. Краси-

вая.

Я чувствую, как мои щеки заливают краской.

- А еще ты, скорее всего, очень горячая. Да? Я бы хотел... однажды... попробовать как это...

- Как что? – мой голос тоже становится на тон ниже.

"Черт, он меня заводит?"

- Как это - чувствовать твои губы на своих губах, - его голос становится тише, бархатнее. - Как это - раздевать тебя медленно. Слой за слоем. Пока между нами не останется ничего, кроме тепла и темноты. Как это - уложить тебя и не торопиться... никуда не торопиться... Провести губами по шее. По ключице. Ниже.

Он делает паузу. Смотрит на меня.

- Как это - слышать, когда ты наконец перестаешь сопротивляться.

У меня перехватывает горло.

- А потом, - он чуть улыбается краем рта, - взять тебя так, чтобы ты долго еще помнила меня, мое тело, мой голос. И мое имя. Которое сама же и произнесешь...

Я судорожно втягиваю воздух, понимая вдруг, что забыла о том, что нужно дышать.

Нет, я, конечно, не девственница. Но все что было раньше – какие-то бессмысленные студенческие истории, не приносившие ничего кроме легкого стыда на утро. А сейчас – сейчас меня как будто накрывает горячей волной.

"Вот же блин!".

Я останавливаюсь.

Посреди дорожки. Между соснами. Стою и не иду.

Антон стоит рядом. Молча. Он не повторяет сказанного - он не из тех, кто повторяет. Просто ждёт. Как будто знает, что мне нужна секунда, и эту секунду он мне даст. Не больше.

Я смотрю прямо перед собой - на дом, на тёмные окна, на сосны. Не на него. Если я на него посмотрю - это будет ошибка. Я это понимаю очень отчётливо.

Вот это и есть настоящая опасность. Не когда он грубит. Не когда давит. А вот так - тихо, рядом, с этим «никуда не торопиться» в воздухе.

Я делаю шаг к дому.

Потом ещё один.

- Марго, - голос за спиной мягкий, совсем не его голос.

Поворачиваюсь.

В его глазах - желание. Настоящее, не наигранное.

Отвожу глаза и делаю шаг к дому.

- Хорошую жену выбрал себе папашка, - фыркает. - Я его очень понимаю.

И голос уже не бархатный. Голос как в машине - резкий, голый, без светского лака. Тот самый, которым он говорил «ты почти уже труп» с незнакомого номера под дождем.

Я замираю.

«Вот он, - думаю я. - Вот настоящий».

Не наследник в дорогом костюме. Не остроумный прово-

катор за столом.

А тот - который ненавидит отца так давно и так глубоко, что эта ненависть уже стала частью скелета. И который смотрит сейчас на меня взглядом человека, злого на себя за то, что хочет отцовское.

Не только деньги.

Меня тоже.

У меня внутри что-то неприятно переворачивается.

«Не смей», - говорю я себе. - «Не смей думать об этом. Ни о нем. Ни о том, как он произносил слово «ниже». Ни о том, что от него пахнет сигаретами и дождем - точно так же, как в тогда в машине. Не смей».

- Знаешь что... - поворачиваюсь я.

- Что? - голос опять стал ровным. Маска обратно. Быстро.

Вот это и страшно.

Не когда она слетает. А когда он возвращает ее одним усилием воли - и улыбается, будто ничего не было. Будто я не видела.

- Ничего, - выдыхаю.

И почти бегу к крыльцу.

Вот же гады – заставляют меня бегать! То от папаши по коридору, то от сына по двору!

А кстати! Не пойти ли мне на пробежку. Вот что точно может успокоить нервы. Интересно, я могу это сделать?

Я захожу в дом. Внутри тепло и пахнет выпечкой.

«Вот да – побегать, а потом нормально чаю с тортом

выпить».

Я снимаю плед. Аккуратно складываю его на руки подошедшей Марии Петровны.

- Спасибо, - говорю ей.

Она кивает, без эмоций.

- Владислав Андреевич у себя? – спрашиваю.

- Да, но...

- Понимаю, он очень занят, но у меня есть вопрос, - выдаю очаровательную улыбку. – Я помню, где его кабинет.

Поворачиваюсь к Антону.

- Спасибо за прогулку, Антон Владиславович.

- Всегда рад, - отвечает он, натягивая свой костюм «светского персонажа». – Я сейчас вынужден буду уехать. Дела, - он неопределенно машет рукой в воздухе. – Но надеюсь на скорую встречу.

- Непременно! – киваю. – До свидания.

- Всего доброго, - он кивает в ответ, разворачивается и идет к главным дверям. А я, еще раз улыбнувшись Марии Петровне,двигаюсь в сторону лестницы.

Один пролет, второй пролет, коридор, массивная тяжелая дверь. Я останавливаюсь, перевожу дыхание и аккуратно стучу.

- Заходи, - голос Влада.

Я толкаю дверь и оказываюсь в святая святых. Как просто то! Постучала и вошла.

Влад сидит за столом, заваленным бумагами. И сверлит

меня взглядом своих холодных серых глаз.

- Ну и что там тебе втирал этот молокосос? Клеился и наследство свое обсуждал?

Глава 10

Дверь в кабинет закрывается за мной с таким тихим, вежливым щелчком, будто меня не запирают, а аккуратно укладывают в коробку с бархатом.

Ненавижу, когда дорогие вещи ведут себя приличнее людей.

У Влада здесь все именно такое: темное дерево, тяжелые шторы, кожа, стекло, холодный блеск металла. Воздух пахнет табаком, кофе и чем-то еще - дорогим, сухим, мужским. Как будто деньги тоже имеют запах. Не новый. Выдержанный.

Он сидит за столом. Смотрит прямо на меня. Как хирург на снимок перед операцией.

- Ну что молчишь? Что там замышляет мой отпрыск?

Я складываю руки на груди и стараюсь выглядеть не девушкой, которую полчаса назад пытались втянуть в семейную войну, а женщиной, которой все это смертельно надоекло.

- У тебя удивительно широкий вопрос, - говорю я. - Если брать в целом, твой отпрыск замышляет раздражать тебя до конца твоих дней.

Уголок его рта едва дергается.

- Не остри.

- А я не острую. Я констатирую.

- Маргарита, - произносит он ооочень тихо, и от этого у меня по спине проходит холодок, - Антон не тратит время на тех, кто ему бесполезен. Значит, ему что-то нужно.

Мне тоже кое-что нужно.

"Например, не умереть между двумя самоуверенными мужчинами с комплексом собственника".

Но вслух я этого, конечно, не говорю.

- Знаешь..., - отвечаю я. - Судя по моему опыту в школе... Антон, конечно, давно вырос из коротких штанишек, но тем не менее, всем детям, даже таким возрастным, нужно примерно одно и то же – внимание, реакция. Не моя - твоя.

- И только?

Я моргаю. Сказать правду - сдать Антона и лишиться себя шанса... Хотя что-то я все меньше верю, что шанс у меня есть... Солгать в лоб? Думаю, что этот волчара чует ложь как... как потомок волков охотничий пес чует подбитую утку. С той разницей, что пес, скорее всего, не улыбается, когда загоняет добычу.

Я медленно пожимаю плечом.

- Он проверяет границы.

- Чьи?

- Мои. Твои. Этого дома. Всего, до чего может дотянуться.

Влад молчит.

Смотрит так, будто отшелушивает с моих слов внешний слой и добирается до мякоти. Терпеть не могу этот взгляд. От него хочется либо признаться во всем, либо ударить че-

ловека чем-нибудь тяжелым.

"Желательно по голове".

- Конкретнее, - бросает.

- Конкретнее? - Я делаю вид, что думаю. - Он хочет вывести тебя из себя. Доказать, что ты не контролируешь все на свете. И посмотреть, что буду делать я.

- И что ты делаешь?

- Стою сейчас здесь и разговариваю с тобой, а не с ним.

Разве этого недостаточно?

Он откидывается на спинку кресла, а потом поднимает руку и манит меня к себе. Подхожу к столу. Он хмыкает.

- Сюда подойди! – командует так, что хрен ослушаешься.

Я подхожу к его креслу и он – он дергает меня на себя! Я охаю и падаю к нему на колени.

От него пахнет кожей, мятой и чем-то опасно теплым. Им самим?

- Дерзкий ответ, - произносит Влад, прижимая меня к себе. - И ты... дерзкая. Красивая и дерзкая...

- Спасибо, - пишу.

Он усмехается. Едва заметно. Но я уже поняла: если у этого человека дергается уголок рта, значит, либо буря уже пришла, либо вот-вот нагрянет, а он просто наблюдает, как ты в нее сваливаешься.

- Он говорил тебе о моих деньгах? - тихо, почти шепотом. Сердце делает один тяжелый, неприятный удар.

"Вот так да? Прямо в лоб?"

Я поднимаю руку и заправляю локон за ухо. Старый прием. Очень женский. Очень жалкий. Но иногда полсекунды - это целое состояние.

- Нет, - говорю я и тут же добавляю, пока ложь не успевает зазвенеть в воздухе: - Не в том виде, как ты думаешь.

Влад наклоняет голову.

- Уже лучше.

- Что?

- Ответ. Ты наконец перестаешь играть в святую невинность.

Я медленно выдыхаю. Потом чуть-чуть ерзаю. Если совсем честно – сидеть на его коленях вполне удобно: тепло, мягко. Ну чисто физически. Большой сильный мужчина, маленькая замерзшая я...

«Не о том думаешь!».

«Это не мужчина! Это волк! И он хочет тебя посадить не на колени!».

- Он, - я откашливаюсь, - Говорил о деньгах вообще. О власти. О том, что у мужчин вроде тебя всегда есть то, за что можно укусить побольнее. Но, Влад, - я поднимаю на него глаза, - Антон говорит так, будто весь мир - это чужой сейф, а он просто ищет правильный лом. Это не значит, что я собираюсь помогать ему вскрывать твои замки.

Его взгляд становится тяжелее.

- Он предлагал тебе что-то сделать?

Вот здесь особенно важно не моргнуть.

- Он предлагал мне думать своей головой, - отвечаю я. - Представляешь, какая дерзость.

- Марго.

- Что? Это правда.

- Не вся.

- А тебе всю и не надо, - вылетает из меня.

И я тут же понимаю, что промахнулась.

Его лицо почти не меняется, но воздух в кабинете меняется мгновенно. Становится плотнее. Как перед грозой, когда еще тихо, но волосы уже электризуются.

Влад поднимает руку и двумя пальцами берет меня за подбородок.

Не больно. Уверенно.

- Мне, - выдыхает, - Надо ровно столько правды, чтобы знать, если кто-то в моем доме роет под меня яму.

Я кручу головой, выбираясь из захвата. А потом тяжело вздыхаю.

- Послушай... Он если что-то и роет – ямы, подкопы, то не под тебя, а под себя. Потому что тебя же хрен обманешь. А ему – ну... не то чтобы весело... этим всем заниматься. Скорее он делает это из принципа. Из желания доказать, что он может хоть что-то у тебя забрать.

- И ты, конечно, ни при чем.

- Я при чем, потому что он решил использовать меня как раздражитель. Но я не инструмент. И уж точно не его.

На секунду мне кажется, что я сказала слишком много.

Потом - что, наоборот, недостаточно. Я прочищаю горло.

- Если я правильно понимаю, - он приподнимает одну бровь. - Антон хочет, чтобы ты встала между нами.

- Не совсем, - Я качаю головой. - Он хочет, чтобы я стала ножом. Разницу чувствуешь?

Пауза. Долгая. Тягучая.

Влад смотрит на мои губы. Потом снова в глаза. Как будто выбирает, чему верить: словам или инстинкту.

Я слышу, как в старых часах за моей спиной щелкает механизм. Как в камине потрескивает полено. Как у меня самой гулко стучит кровь в висках.

- И что ты ответила? - спрашивает Влад.

Я максимально честно пялюсь в его серые глаза, всматривающиеся в меня.

- Что я не люблю, когда мной пытаются пользоваться, - шепчу.

- Но иногда позволяешь.

- Только если цена достаточно высока.

Его глаза темнеют.

- И какова твоя цена, Марго? - спрашивает он.

- Спокойная жизнь.

- Со мной. В этом доме.

- Вот видишь. Я уже не продешевила, - выдыхаю.

Он фыркает. А потом тянет меня на себя. Его губы все ближе и ближе.

Он что, собрался меня поцеловать?! А мне что делать?

Отпихнуть или ответить?!

Глава 11

Его губы все ближе и ближе. В каких-то нескольких сантиметрах от моих. Я слышу его дыхание. Чувствую запах - табак, дерево, что-то темное и неуловимое.

Мой здравый смысл истошно вопит. Тело молчит. Молчит и ждет.

- Ты хочешь этого? - шепчет он.

«Да», - пролетает мысль.

И следом: *«Нет!!! Ты сошла с ума!!!»*.

Я выдыхаю и тихо-тихо, почти неслышно произношу:

- Прости. Может, отложим до свадебной церемонии? Там положено. Жених целует невесту. Красиво, публично, по протоколу.

Его глаза темнеют.

- Боишься?

- Нет, - делаю большие глаза. - Просто я осторожна.

- Это одно и то же, Марго, - рычит он. А потом отпускает меня. Медленно. Пальцы скользят по талии - как будто нарочно - и убираются.

Я выдыхаю. С облегчением? Или с разочарованием?

Второе. Определенно второе. И это - катастрофа.

- Прости, - опять извиняюсь я, - И можно, я пожалуйста, встану? А то боюсь кресло под нами рухнет.

- Да пожалуйста, - голос становится равнодушным.

Я аккуратно поднимаюсь. И мне сразу становится холоднее.

Ненавижу себя за то, что вообще замечаю это!

Влад откидывается на спинку. А я разворачиваюсь и иду к креслу, которое стоит напротив стола. Теперь перед нами широкая черная поверхность. Льдина среди бурного холодного океана.

- Знаешь, - Влад чуть поворачивает голову и смотрит куда-то мимо меня. - Антон всегда выбирает слабое место, - говорит он наконец. - В детстве это были собаки, которых он тайком приносил в дом, потому что знал: я терпеть не могу грязь. Потом деньги. Сейчас, видимо, ты.

- Спасибо. Невероятно лестно стоять в одном ряду с грязными щенками и деньгами.

- Не кокетничай. Тебе не идет.

- А тебе не идет исповедь.

Он медленно переводит взгляд на меня.

- Это не исповедь. Это предупреждение.

- О чем? - я закатываю глаза. - Неужели ты не понимаешь, что, если ты будешь пытаться вытрясти из меня признание, которого у меня нет, я начну защищаться. А я, когда защищаюсь, становлюсь неприятной.

- Ты и так не подарок.

- Зато честно.

- Ты сейчас честна ровно на семьдесят процентов.

- Для твоего дома это уже почти святость.

Он все-таки смеется. Коротко. Хрипло. Так, что по коже проходит совершенно неуместная дрожь.

Проклятый организм. Совершенно не умеет выбирать безопасные реакции.

- Ладно, - произносит Влад после паузы. - Допустим, я тебе верю.

Допустим. Как будто он бросает мне не доверие, а поводок подлиннее.

- Какая щедрость, - говорю я.

- Не обольщайся. Я сказал: допустим.

- А я и не обольщаюсь. У меня на это аллергия.

Он цокает языком, а потом придвигается к столу и достает из ящика черную папку и банковскую карту в матовом конверте.

Я смотрю на это с подозрением.

Потому что ни один мужчина вроде Влада не достает из стола папку и карту просто так. Это никогда не «просто так». Это всегда либо сделка, либо ловушка. Иногда - и то и другое сразу.

- Что это? - спрашиваю я.

- Твое новое развлечение.

- Я бы предпочла спа и необременительного психотерапевта.

- А получишь дом, фонд и мою фамилию в практическое применение.

Он толкает папку ко мне.

- С сегодняшнего дня тыходишь в дела дома официально. Раз уж ты здесь и раз уж скука тебе противопоказана.

- Удивительно. Еще вчера я была декоративным элементом интерьера.

- Не преувеличивай. Для декоративного элемента ты слишком разговорчива.

Я не удерживаюсь и все-таки открываю папку.

Внутри - аккуратно разложенные разделы: персонал дома, ежемесячные расходы, график приемов, список подрядчиков, благотворительный фонд, счета на закупки, платежи по содержанию особняка. Все это пахнет бумагой, властью и головной болью.

- Ты издеваешься? - поднимаю я глаза. - Это не развлечение. Это маленькая корпорация в картонной обложке.

- Осваивайся. Ты хотела не быть вещью - не будь. Но чтобы получить истинное положение жены, Марго, и не быть куклой на лестнице, тебе придется видеть, слышать, принимать решения.

Я шурю.

- И где подвох?

- Подвох в том, что мне нужен был кто-то, кто посмотрит на этот дом свежими глазами. Без старых привязанностей. Без страха перед персоналом. Без желания воровать по мелочи и кланяться по-крупному. И этим «кем-то» можешь стать ты.

- То есть ты хочешь, чтобы я провела аудит?

- Именно.

- Дома?

- Дома. Расходов. Персонала. Подрядчиков. И благотворительного фонда. Начнешь с того, что разберешься, куда утекают деньги. Продолжишь тем, что скажешь мне, кого уволить.

Я смотрю на него. Потом снова в папку. Потом опять на него.

- Нормально ты так вводишь женщину в роль жены. Вместо цветов и комплиментов – бюджет и список кандидатов на увольнение?

- Цветы вянут. Полномочия - полезнее.

- Полномочия без права на ошибку?

- Ошибайся. Но не ври.

Он берет конверт и кладет его поверх папки.

- Карта привязана к отдельному счету на текущие расходы дома. Лимит достаточный. С истериками насчет каждой салфетки ко мне не бегать. Решения по дому - на тебе. Прием через три недели - тоже на тебе. Гостевой список согласуешь со мной.

- Прием?

- Благотворительный вечер.

Я сухо смеюсь.

- Конечно. Что может быть естественнее для девушки, которую фактически купили, чем организовать благотворительный вечер в доме мужчины, который смотрит на людей

как на баланс активов?

Влад резко поднимается и буквально в два прыжка оказывается рядом. Черт, как такой большой мужчина может так быстро двигаться?!

Он нависает надо мною как гора, и это до абсурда неправильно, потому что мы обсуждаем бухгалтерию, фонд и увольнение персонала, а у меня в этот момент совершенно непрофессионально сбивается дыхание.

- Я смотрю на людей, - почти рычит, - как на тех, кем они являются. Большинство лжет, часть боится, единицы умеют держать удар. Ты, кажется, из последних.

- Какая честь, - пишу.

- Не честь. Работа.

- А если я откажусь?

- Не откажешься.

- Откуда такая уверенность? – тарашусь.

Его взгляд скользит по моему лицу - медленно, без спешки, так, будто он уже владеет не только домом, кабинетом и каждой цифрой в этих папках, но и моим следующим вдохом.

- Потому что тебе скучно, Марго. Потому что ты слишком умна, чтобы сидеть в золотой клетке и не искать замок изнутри. И потому что, если уж кто-то и будет разбираться в моем доме, я предпочту, чтобы это была ты, а не очередная послушная тень.

Я сглатываю. Это ужасно, но я понимаю, что он прав. Я с

ума сойду от безделья.

- А если я найду что-то неприятное? - спрашиваю.
- Принесешь мне.
- Даже если это касается твоего сына?
- Особенно если это касается моего сына.

Вот так. Спокойно. Без придыхания. Без колебаний.
Отец года. Золотая коллекция.

Я закрываю глаза. Но все равно чувствую, как он сверлит меня взглядом.

- Ты либо безумец, - шепчу, так и не открывая глаз. - Либо очень самоуверенный человек.

- Одно другому не мешает, - шепчет в ответ.

Я открываю глаза. Он так близко. Так ужасающе близко. Но мне... мне не страшно?

- А если... если я решу использовать доступ не так, как тебе понравится?

Он наклоняется к самому моему уху. Тепло его дыхания касается кожи, и мой организм, предатель чертов, реагирует первым.

- Тогда, Марго, - произносит Влад совершенно ровным тоном, - я наконец перестану гадать, на чьей ты стороне.

Он легко касается щекой моей щеки - на долю секунды, не больше - и выпрямляется. Отходит к столу. Как будто ничего не было.

Но я еще чувствую тепло. Там, где его кожа касалась моей.

- Разговор окончен, можешь идти, - произносит, не обо-

рачиваясь. - Мария Петровна покажет тебе кабинет рядом с библиотекой. Теперь он твой. К вечеру хочу видеть от тебя первый список вопросов по дому. А завтра утром - план по приему и по фонду.

Я встаю. Беру папку. Пальцы ледяные.

Внутри - все горит.

И это очень, очень плохо.

У двери я оборачиваюсь.

- Влад.

- Да? – поднимает глаза от бумаг, в которые видимо уже успел погрузиться. - Если ты уже все решил, зачем тогда спрашивал про Антона?

Он смотрит на меня долго. Слишком долго для простого ответа.

- Потому что, - говорит он, - мне было важно понять. Не его. Тебя.

И вот это, конечно, звучит гораздо хуже, чем любая прямая угроза.

Я выхожу из кабинета, прохожу по коридору, не чувствуя ковра под ногами, и только у окна, в полосе холодного света, решаюсь снова открыть папку.

Первый раздел. Расходы дома.

Второй. Фонд.

Третий. Дополнительные платежи по личному распоряжению Влада.

Я переворачиваю страницу.

И на первой же строке вижу знакомую фамилию.

Антон Волков.

Ниже - сумма.

Такая, что у меня на секунду темнеет в глазах.

А под ней короткая пометка, сделанная от руки: «Последний раз».

Мое дыхание сбивается. Так волчонку отказали в корме?
И он решил сожрать меня?!

Глава 12

Кабинет рядом с библиотекой оказывается не кабинетом, а аккуратно замаскированной попыткой подкупить меня комфортом. Большой стол. Лампа с теплым медовым светом. Темно-зеленые стены. Книги, от которых пахнет пылью, кожей и чужими деньгами.

У окна - кресло, в которое можно провалиться с ногами и умереть там с достоинством, если внезапно надоест жить в особняке среди людей с фамилией Волков.

Очень предусмотрительно.

Я сажусь за стол, где стоит ноутбук и висится гора папок и несколько секунд смотрю на них. Будто, если смотреть достаточно внимательно, бумаги сами начнут разговаривать и расскажут мне, кто тут кого ненавидит, кто ворует, кто спит спокойно, а кто только делает вид.

Жаль. Не начинают.

Я открываю комп. На рабочем столе несколько иконок – расходы дома, подрядчики, фонд. Открываю поиск, вбиваю «Антон Волков». Вываливается реестр с переводами. Много денег – ну а что, надо же пацану жить как-то - и мало толку. Просто переводы, просто деньги.

Ладно. Я вздыхаю и открываю первый раздел. Цифры. Таблицы. Даты.

Поставщики продуктов, текстиля, вина, цветов, охраны,

обслуживания бассейна, садовников, водителей, чистки ковров, какой-то элитной химии для ухода за мрамором - конечно, у нормальных людей мрамор страдает и требует отдельного бюджета.

Я листаю дальше и понимаю: этот дом - не дом, а маленькое государство. Со своими расходами, своей иерархией, своими невидимыми законами и обязательным налогом на роскошь для всех, кто случайно оказался внутри.

Фонд оказывается еще хуже. Я ожидала скуку. Получаю сложную, разветвленную систему пожертвований, приемов, закупок, контрактов, медицинских программ, стипендий и красивых формулировок, за которыми, как правило, прячутся либо реальные добрые дела, либо очень дорогая стирка репутации.

С Владом я бы поставила на оба варианта сразу.

Я открываю список попечителей, потом перечень ближайших мероприятий, потом отдельную папку с пометкой «осень / зима». Цифры бегут перед глазами, и я начинаю замечать странности. Повторяющиеся поставщики. Слишком дорогой декор для благотворительных вечеров. Странно раздутые транспортные расходы. Услуги каких-то консультантов с формулировками настолько расплывчатыми, что туда можно спрятать киллера, три отката и совесть половины попечительского совета.

Я фыркаю себе под нос. Ну конечно. Благотворительность. Самый удобный способ выглядеть человеком, когда

ты на самом деле волк.

Свет за окнами медленно меняется. Я замечаю это не сразу. Только когда экран ноута начинает расплываться. Умная техника приглушает свет, чтобы не резало глаза.

Поднимаю голову. За окном уже вечер – солнце почти скрылось за деревьями, а их тени протянулись через весь двор.

В стекле отражаюсь я – бледная, сосредоточенная, с выбившейся прядью волос и лицом человека, который несколько часов подряд пытался расковырять чужую жизнь канцелярским ножом и пока добрался только до верхнего слоя лака.

Я смотрю на часы и тихо ругаюсь. Время пролетело. Не прошло. Не потянулось. Не сдохло у моих ног от скуки.

Именно пролетело.

Видимо, это и есть взрослая жизнь в богатом доме: тебе выдают папки, банковскую карту, полномочия – и ты внезапно понимаешь, что уже два часа споришь сама с собой о том, зачем фонду закупать салфетки по цене кокаина.

Я откидываюсь на спинку кресла и тру переносицу. Глаза устали. Спина ноет. В голове шумит.

Хочется проветриться. Двигаться. Бежать. Не от кого-то, а чисто для самой себя. Надо все-таки сходить на пробежку! Хотя... Я так и не поняла могу ли я просто встать и побежать или это все оформляется через три подписи, двух охранников и личное благословение альфа-самца.

Я все равно встаю. Потягиваюсь. Закрываю крышку ноутбука. Собираю бумаги в аккуратные стопки, оставляю сверху отдельный лист со своими пометками. Влад просил отчет – ну так он есть у меня, как и вопросыки...

Я переодеваюсь быстро: легинсы, футболка, олимпийка. Волосы собираю в высокий хвост. В зеркале вижу не будущую жену хозяина особняка и не девочку, попавшую в дорогую ловушку. Вижу себя. Злую. Живую. И отчего-то до смешного упрямую.

Ну и отлично.

Значит, побегаем.

Внизу пахнет ужином, полированным деревом и чем-то сладким – кажется, корицей или ванилью. Из столовой доносится приглушенный звон посуды. Дом живет своей отлаженной, бесшумной жизнью. Как огромный дорогой механизм, в котором каждая шестеренка знает, когда повернуться и с каким выражением лица подать чай.

Я нахожу Марию Петровну в малой гостиной. Она проверяет какие-то записи в планшете, и рядом на низком столике стоит поднос с чашкой чая. Все в ней идеально: осанка, светлая блуза, строгая юбка, серебряная цепочка на шее, аккуратный пучок. Даже возраст у нее, кажется, ведет себя дисциплинированно и не позволяет себе ничего лишнего.

Есть женщины, рядом с которыми чувствуешь себя либо ребенком, либо растрепанной идиоткой.

Мария Петровна относится к обеим категориям сразу.

Она поднимает на меня взгляд.

- Маргарита Николаевна?

Как у нее это получается? Два слова - и уже звучит так, будто меня только что измерили, взвесили и аккуратно записали в графу «проблемные, но перспективные».

- Мария Петровна, - говорю я. - Я хотела спросить, где Влад.

- Владислав Андреевич уехал по делам. Вернется поздно. Конечно. У волков всегда дела.

- Поняла, - киваю. — Я хочу выйти на пробежку.

Мария Петровна смотрит на меня несколько секунд. Не удивленно. Не осуждающе. Так, будто в уме быстро просчитывает, сколько охраны, камер и нервных клеток ей будет стоить мое желание подышать воздухом.

- Как пожелаете, - отвечает она. - Игорь вас сопроводит.

- Эта глупая гора мышц умеет бегать? - выдаю я. Быстрее, чем успевает включиться мозг.

Тишина после моих слов получается почти осязаемой.

Мария Петровна медленно откладывает планшет. Очень медленно.

Плохой знак. Очень плохой.

- Дорогая Маргарита Николаевна, - говорит она с той убийственной вежливостью, которой, наверное, можно вскрывать людей без анестезии, - Молодой человек, которого вы столь любезно назвали «глупой горой мышц», - мой сын.

Я застываю. Вот просто прекрасно. Блестяще. Аплодис-

менты моему языку, который вечно выбегает вперед мозга,
как пьяный клоун на похоронах!

Глава 13

Я таращусь на Марию Петровну, чувствуя себя абсолютной, полной, беспрецедентной идиоткой.

- А еще, - продолжает она тем же безупречно спокойным тоном, - могу вас уверить, бегать он умеет очень неплохо. У него несколько выигранных марафонов, диплом тренера и, к счастью, достаточно хорошее воспитание, чтобы не обсуждать интеллектуальные возможности людей в доме, где он работает.

Я открываю рот. Закрываю. Потом снова открываю.

Редкий момент, когда слова у меня действительно заканчиваются, а не просто временно притворяются мертвыми.

- Мария Петровна, я...

- Вам не стоит торопиться, - мягко произносит она. - Извинения лучше звучат, когда в них есть мысль, а не только скорость.

Вот ведь. Как она это делает? Ни одного грубого слова. Ни одного повышенного тона. Ни одной открытой пощечины.

А ощущение такое, будто меня только что отполировали штукатуркой стен.

Я делаю вдох. Потом еще один.

- Вы правы, - говорю уже ровнее. - Это было невежливо и глупо. Я сказала не подумав. Приношу вам свои извинения. И перед Игорем - если захотите, я извинюсь лично.

Мария Петровна смотрит на меня внимательно.

Не как слуга на хозяйку. Не как подчиненная на невесту хозяина.

Как взрослая женщина на другую женщину, которая пока не решила, кем собирается быть.

- Уже лучше, - кивает. - Но позвольте маленькое наблюдение, Маргарита Сергеевна.

Конечно. Куда же без маленького наблюдения. Сейчас меня добьют булавкой из чистого серебра.

- Когда человек попадает в незнакомую среду, - продолжает она, - у него обычно есть два пути. Первый - защищаться остроумием, сарказмом и пренебрежением ко всем, кто рядом. Это создает приятную иллюзию превосходства, но довольно быстро делает вас одинокой.

Я стою молча. А что ответить? Она абсолютно права.

- Второй путь, - говорит Мария Петровна, - сначала смотреть, потом делать выводы. Это скучнее. Медленнее. Но обычно полезнее.

- Вы меня воспитываете? - вырывается из меня.

А ведь так просто было промолчать...

Мария Петровна улыбается.

Господи, лучше бы она не улыбалась. Когда такие женщины улыбаются, ты не расслабляешься - ты начинаешь осматриваться чтобы понять, где именно спрятан нож.

- Ни в коем случае, - отвечает она. - Воспитывать взрослых женщин - дело благодарное. Я всего лишь напоминаю: в

этом доме люди запоминают не только статус, но и манеру обращения. Особенно те, кого принято не замечать.

Я чувствую, как щеки предательски теплеют. Ну вот. Дожили. Меня элегантно отчитали за снобизм в доме, где я сама вообще-то трофей с функцией подписи под брачным договором.

И самое отвратительное - она права. Право на злость у меня есть. Но права срывать ее на людях, которые мне ничего не сделали, - нет.

- Принято, - говорю я тише. - Спасибо. И... правда, простите.

Мария Петровна чуть склоняет голову.

- Я принимаю ваши извинения. Что касается Игоря... Можете решать сами как поступить. Но он, уверяю вас, достаточно воспитан, чтобы не воспользоваться этим случаем - если вы решите о нем рассказать - против вас.

- Это должно меня утешить?

- С какой стати? Это просто ремарка.

Я невольно усмехаюсь.

- Знаете, вы умеете быть очень... ужасно... вежливой.

- Благодарю. Я много лет практиковалась.

На секунду между нами мелькает что-то похожее на перемирие. Не тепло. До тепла нам как до Луны босиком. Но уже не открытая перестрелка.

Мария Петровна берет чашку, делает маленький глоток чая и добавляет:

- Еще один совет, если позволите.

- После предыдущих я уже не уверена, что у меня есть выбор.

- Выбор есть у всех и всегда. Именно поэтому вы здесь так всех раздражаете.

Я смотрю на нее. Она - на меня. И, к своему ужасу, я почти смеюсь.

Потому что сказано это все тем же безупречным голосом женщины, которая, вероятно, умеет одновременно подавать десерт, увольнять людей и морально расчленять хамов.

- Так что за совет? - спрашиваю я.

- Если хотите остаться в этом доме не только красивой проблемой, но и силой, научитесь различать, кто здесь опасен, кто полезен, а кто просто молчит. Обычно именно с молчащими совершают самые глупые ошибки.

Молчащими. Интересно, это про нее? Про Игоря? Про Влада? Или про весь этот дом, который шуршит, дышит, прячет в коврах шаги и делает вид, что не подслушивает?

Я киваю.

- Учту.

- Надеюсь.

Она ставит чашку обратно на блюдце.

- Я распоряжусь, чтобы Игорь ждал вас у бокового выхода.

И, Маргарита Николаевна...

- Да?

- На пробежке лучше бегать от лишних мыслей, а не от

людей. С людьми, как правило, можно договориться полюбовно.

С этим я бы поспорила. Некоторые люди предпочитают не договариваться, а ставить условия. Влад, например.

Я разворачиваюсь к выходу, потом останавливаюсь.

- Мария Петровна.

- Да?

- А вы всегда так разговариваете с теми, кто вас раздражает?

Она смотрит на меня поверх чашки.

- Нет. Только с теми, в ком вижу шанс на адекватное взаимодействие.

И вот это почему-то бьет сильнее всего. Не упрек. Не сарказм. Не демонстрация превосходства.

А этот спокойный, почти равнодушный аванс, которого я не просила.

Я выхожу в коридор, чувствуя себя одновременно дурой, школьницей и человеком, которого только что очень аккуратно поставили на место. Без крика и унижения. Почти с уважением.

От этого стыдно вдвойне.

У бокового выхода уже темнее. За стеклом - вечерний сад, черные ветки, влажная дорожка, тусклые фонари. Воздух по ту сторону двери выглядит холодным и живым. Именно таким, какой мне сейчас нужен.

Я тянусь к ручке, но дверь открывается раньше. На пороге

стоит Игорь.

- Маргарита Николаевна, - говорит он спокойно. - Мария Петровна сказала, вы хотите пробежаться. Мне нужно десять минут, чтобы переодеться. Можете подождать меня здесь, - он тыкает пальцем в кресло, стоящее чуть поодаль.

Я открываю было рот. Хотя не понимаю – а что сказать то? Я назвала тебя дураком, прости, ты вовсе не дурак?

И в этот момент у него вибрирует телефон.

Он достает аппарат из кармана, бросает взгляд на экран.

Лицо не меняется.

Только глаза становятся чуть жестче.

- Извините, - произносит он. - У нас, кажется, проблема.

Глава 14

Игорь поднимает взгляд от экрана и смотрит уже не на меня, а куда-то поверх моего плеча - туда, где в глубине дома мягко светятся коридоры и бесшумно ходят люди, которые, как выяснилось, умеют не только носить подносы, но и мгновенно становиться частью тревоги.

- Что за проблема? - спрашиваю я.

- На главных воротах женщина. С ребенком. Утверждает, что приехала из-за фонда и без Владислава Андреевича не уедет.

Пробежка умирает быстро, без мучений.

Хлоп - и нет ее. Или?

- А я? Я могу без вас... пойти побегать? - спрашиваю.

Игорь чуть наклоняет голову.

- Простите, но Мария Петровна просила вас не уходить далеко. Могут возникнуть вопросы по дому или фонду.

Ого. Не прошло и дня, как меня официально назвали красивой проблемой, выдав доступ к папкам, чтобы как-то утихомирить, - и вот я уже на дежурстве?

Из малой гостиной выходит Мария Петровна, будто знала, что разговор без нее долго не проживет. Конечно, знала. У таких женщин даже тишина отчитывается по графику.

- Что там? - спрашивает она.

- Женщина с ребенком, - спокойно повторяет Игорь. - Го-

ворит, фонд Волковых обещал оплатить лечение сыну, а потом деньги не пришли. Требуется Владислава Андреевича. На воротах уже десять минут. Охрана пока держит ситуацию.

Мария Петровна не меняется в лице.

Я начинаю понимать, что в этом доме апокалипсис, наверное, тоже встречаются с идеальной осанкой и фразой «чай подавать в малую или большую гостиную?».

- Журналисты? - спрашивает она.

- Пока нет. Но женщина говорит громко. Очень.

- Прекрасно, - отзывается Мария Петровна. И это "прекрасно" настолько безупречно, что даже самому последнему идиоту стало бы понятно насколько все на самом деле ужасно.

Я перевожу взгляд с одного на другого. Потом на закрытую дверь. Потом снова на Игоря.

- Таааак, - тянет Мария Петровна. - Если женщина не права, то это просто скандал. А вот если права... это реальная проблема. Совсем другого масштаба.

Логично. Раздражающе логично.

- А Влад? – спрашиваю глупо.

- Владислав Андреевич недоступен как минимум ближайший час, - отвечает Мария Петровна. - Связь есть, но отвлекать его на истерику у ворот без предварительной оценки я не намерена.

- Истерику у ворот? - фыркаю. - Но... Если я правильно поняла там женщина и больной ребенок.

Мария Петровна поджигает губы.

- Маргарита Николаевна, истерика - это форма. Причину мы сейчас и выясним.

Вот опять. Ровно, холодно, без сантиментов. И отчего-то я не могу решить, хочу ее встряхнуть или встать рядом и записывать, как у нее это получается.

- Я... вообще я смотрела сегодня бумаги фонда, - размышляю вслух. - Но только общую структуру. Не конкретные кейсы...

- Уже что-то, - замечает Мария Петровна.

И я вдруг очень отчетливо понимаю, что мне дают выбор. Очень условный, конечно. Такой, в котором один вариант сразу делает тебя трусливой дурой, а второй - добровольно втягивает в чужую систему с головой.

- Что нужно от меня? - решаюсь я.

Глаза Марии Петровны чуть расширяются. Не ожидала, да? Или наоборот...

- Пока ничего героического, - отвечает она. - Присутствовать. Слушать. Если речь пойдет о документах фонда, возможно, вы вспомните что-то из того, что успели просмотреть.

- А если она начнет орать?

- Тогда вы... надеюсь... сохраните спокойствие.

Игорь опускает взгляд, пряча реакцию. Замечательно. Даже молчаливая гора мышц, у которой, оказывается, в анамнезе марафоны и воспитание, уже в курсе, что я способна

вспыхнуть как спичка.

- Ясно, - говорю я сухо.

Мы идем через холл к передней части дома. За окнами уже почти ночь - влажная, синяя, с редкими бликами фонарей на мокрой плитке двора.

На ходу Мария Петровна коротко бросает:

- Что именно вы смотрели по фонду?

- Общие расходы, попечителей, мероприятия, список консультантов...

Она кивает.

- Значит, будете слушать и не делать поспешных выводов.

- Это вы мне сейчас очень тонко напомнили, что мой рот иногда живет отдельно от головы? - не выдерживаю.

- Я бы не стала формулировать это столь безжалостно, - отвечает она.

То есть именно так. Почти улыбаюсь. Почти.

Мы выходим во двор и вместе с сыростью и запахом мокрой земли врывается женский голос - срывающийся, уставший, высокий от нервов.

- ...мне плевать, кто вы! Мне обещали! Вы понимаете? Обещали!

Я сбегая по ступеням. Мария Петровна и Игорь за мною. Быстро-быстро – к главным воротам. Там в свете прожекторов, стоит женщина.

Тонкая куртка, промокшие волосы. Лицо молодое, но осунувшееся, стареющее от постоянной тревоги и страха. Рядом

мальчик лет восьми, худой, в шапочке и курточке. Он держится за ее руку и кашляет сухо, надсадно - так, что у меня внутри все сжимается.

И меня моментально прошивает злость. Не на нее. На весь этот дом с его коврами, фундами, картами с лимитом и разговорами о приемах. Царство-государство, блин. А тут ребенок замерзает!

Женщина замечает нас и сразу цепляется взглядом за Марию Петровну.

- Где Волков? - выпаливает она. - Мне не нужен охранник, мне не нужен секретарь, мне нужен Волков!

Мальчик снова кашляет.

Мария Петровна делает шаг вперед.

- Добрый вечер. Меня зовут Мария Петровна. Я управляю домом. Владислава Андреевича нет, но я уверена – мы во всем разберемся.

- Разберетесь?? – кричит женщина. – Да сколько можно разбираться? Я уже миллион справок отправила! Мне Ирина еще месяц назад обещала, что фонд оплатит операцию, потом все перенесли. У меня ребенок задыхается, а у вас телефоны молчат!

- Успокойтесь, пожалуйста, - Мария Петровна примирительно вскидывает руки.

- Не надо на меня махать руками! Я все документы отправила сто раз! - кричит женщина. – А эта Ирина теряет справки быстрее, чем я их получаю! А потом трубки не берет. Как

так можно! Это же ребенок! Мой ребенок!!!

И вот тут что-то щелкает у меня в голове...

Глава 15

«Ирина».

Я листала сегодня список кураторов программ.

Там была Ирина. Ирина Ланская - координатор адресной медицинской помощи. И что-то меня смутило.

Я лихорадочно пытаюсь вспомнить...

Поймала! Слишком много согласований и странные задержки.

- Подождите, - выпаливаю я.

Все смотрят на меня. Женщина - с яростью и надеждой. Мария Петровна - с очень сдержанным предупреждением. Охрана просто таращится. Ну да странное зрелище – лосины, хвост, олимпийка. А утром было прозрачное платье...

Невеста мечты!

Я смаргиваю, прогоняя дурацкие мысли.

- Вас кто вел? - смотрю на женщину. - Ирина Ланская?

- Да! - Женщина делает шаг к воротам. - Да, Ирина Сергеевна! Сначала все было нормально, потом она сказала, что не хватает подписи попечителя, потом что нужно ждать новое финансирование, потом перестала отвечать. Я приехала в офис - мне сказали писать на почту. На почту! - у нее голос ломается. - Моему сыну не почта нужна!

Я смотрю на Марию Петровну. Она уже не кажется просто вежливо колкой. Сейчас она очень собрана. Очень тихая.

- Имя ребенка? - спрашивает она.

- Кирилл Громов.

- Клиника?

Женщина называет.

Мария Петровна кивает Игорю.

- Проверьте прямо сейчас.

Игорь отходит в сторону с телефоном.

Я же не могу оторвать взгляд от мальчика. Он стоит слишком прямо - так стоят дети, которые рано понимают, что взрослым и так тяжело, и лучше не мешать своей болью. Сердце сжимается. У детей не должно быть таких лиц.

Женщина вдруг смотрит на мою одежду, на дом за моей спиной, на то, как рядом со мной держится Мария Петровна.

- А вы вообще кто? - спрашивает резко.

Хороший вопрос. Очень своевременный. Кто я? Невеста? Будущая жена? Случайная девочка, которая пробежала тут мимо?

- Я... - начинаю и почти давлюсь этим «я».

Мария Петровна вмешивается.

- Маргарита Николаевна участвует в делах дома и фонда, - произносит она спокойно. - Поэтому сейчас она здесь.

Очень изящно. Ничего лишнего. Никаких объяснений, от которых мне самой стало бы тошно. Женщина смотрит на меня уже иначе. Не мягче. А как на еще одно лицо, от которого может зависеть, будет ее ребенку помощь или нет.

- Тогда помогите, - говорит она. Тихо. Уже без крика и

истерики. И от этого еще хуже. - Если вы правда можете хоть что-то, помогите. Потому что я больше не знаю, к кому идти.

У меня внутри все сжимается в тугой комок. Я не знаю правил. Не знаю полномочий. Не знаю, сколько могу обещать и что здесь вообще делается по-человечески, а что только на бумаге для красивых отчетов. Но я точно знаю одно.

У ворот стоит реальная жизнь, которой очень-очень нужна помощь. Прямо сейчас!

Я поворачиваюсь к Игорю, который как раз заканчивает говорить по телефону.

- Кирилл Громов есть в базе, - подходит к нам. - Заявка активна. Статус... - он смотрит в экран, и на его лице появляется тень раздражения. - Статус «ожидает повторного внутреннего согласования». Последнее движение по делу - три недели назад.

- Кто поставил статус? - спрашивает Мария Петровна.

- Ирина Ланская.

Тишина становится плотной. Женщина у ворот начинает дышать чаще. Я чувствую, как меня медленно, очень нехорошо заливает холодом.

Три недели. Ребенок. Фонд. Ирина. Мои сегодняшние пометки.

Мария Петровна поворачивается ко мне.

- Давайте отойдем на минуту, пожалуйста.

Я киваю, и мы делаем несколько шагов за будку охраны.

- Ну что ж, кажется, Маргарита Николаевна, ваш вечер официально перестал быть свободным.

- Слушайте, давайте без прелюдий. Что мы можем сделать?

Она чуть сужает глаза. Но потом кивает.

- Хорошо. Запоминайте: сейчас вы ничего не обещаете от имени Владислава Андреевича. Но вы можете пообещать, что делом займутся немедленно.

- А займутся?

Она смотрит мне прямо в глаза.

- Если вы готовы начать сейчас - да.

- Конечно, я готова. Вы же видите, что ему плохо!

Она кивает, не уточняя кому «ему». Да и зачем? Без слов все понятно.

- То есть, - я запинаясь, - То есть я могу сейчас принять все полномочия и... И решения?

- Да. Но... не действуйте опрометчиво!

- Не буду, - я делаю шаг к воротам.

Женщина вскидывает на меня глаза.

- Давайте так, - говорю я, - Вы сейчас зайдете в дом. Сядете, согреетесь и еще раз покажете все документы. Сегодня. Прямо сейчас. И пока я не пойму, где именно застряли деньги, вы отсюда не уедете.

Женщина моргает. Будто не верит.

Честно говоря, я тоже пока не верю.

А еще думаю, что «не действовать опрометчиво» это, на-

верное, что-то другое.

- Ребята, откройте ворота, - произношу я. – Пожалуйста.

Охрана переглядывается. Потом смотрят на Марию Петровну. А потом нажимают кнопку и створки начинают медленно ползти в стороны.

- Проходите, - я делаю приглашающий жест. – Мы во всем разберемся. И потом уже все расскажем Владиславу Андреевичу.

Женщина робко делает шаг вперед.

- Он обязательно обо всем узнает! – я выдаю ободряющую улыбку.

- Уже, - раздается вдруг голос Игоря.

- Что, прости? – я оборачиваюсь.

- Владислав Андреевич уже знает. И он едет домой. Не один.

Глава 16

Я вздрагиваю. С одной стороны, это прекрасно. Приедет и разберется. А с другой... Я уже наворотила дел. Кто знает, можно ли было приглашать эту женщину в дом? Это же дом, а не офис Фонда.

- С кем? - вдруг спрашивает Мария Петровна.

Игорь смотрит в экран еще секунду.

- С Антоном Владиславовичем.

Ну что же. Вечер официально отправляется в ад.

Я медленно выдыхаю через нос.

Из всех возможных вариантов вселенная, разумеется, выбирает самый неудобный. Не просто Влад. Не просто скандал у ворот. Не просто женщина с больным ребенком и фонд, который завис где-то между «благотворительностью» и канцелярским болотом.

Нет. Еще и Антон. Чтобы семейный цирк сразу выступал полным составом.

Мария Петровна кивает так спокойно, будто ей только что сообщили не о потенциальной катастрофе, а о пятиминутной задержке поставки шампанского.

- Хорошо. Давайте все пройдем в дом.

Она переводит взгляд на женщину. Та сначала будто не верит, что ее действительно пускают, потом резко сжимает ладонь сына и идет вперед так, словно боится: если замед-

лится - дверь захлопнется.

Я замечаю, как мальчик поднимает голову. Смотрит на высокие окна, на свет, на лестницу, на всех нас. Не с восторгом. С настороженностью. Дети вообще отлично считывают фальшь. Лучше многих взрослых.

В холле тепло. Пахнет деревом, чаем, полировкой и свежей выпечкой, от чего становится особенно мерзко: у кого-то пироги, а у кого-то - задыхающийся ребенок в очереди из потерянных справок.

Мария Петровна ведет нас в небольшую гостиную. Через пару минут нам приносят воду, чай, булочки. Мальчик поднимает глаза на маму. Та кивает, и он аккуратно берет чашку с чаем обеими руками. Тонкими худенькими ручками.

Я сажусь напротив. Мария Петровна - чуть сбоку. Игорь остается у двери.

- Покажите все, что у вас с собой, - говорит Мария Петровна.

Женщина вытаскивает из сумки папку. Обычную пластиковую папку с прозрачным карманом, в котором торчит ксерокопия свидетельства о рождении. Протягивает мне. Руки дрожат.

Я открываю. Алена Вячеславовна Громова. Кирилл Громов. Справки. Выписки. Заключение пульмонолога. Направление. Смета клиники. Письмо фонда с предварительным одобрением. Еще одно письмо - запрос дополнительных документов. Еще. Еще.

Я быстро перебираю бумаги, и чем дальше, тем хуже у меня становится внутри. Потому что история выглядит не как отказ. Не как честное «нет». А как старая добрая бюрократическая пытка: донесите, подтвердите, пересчитайте, ожидайте, перезвоните позже, ваш запрос очень важен для нас.

- Когда вам впервые подтвердили помощь? - спрашиваю я.

- Полтора месяца назад, - отвечает Алена. - Там есть письмо.

Мария Петровна смотрит на меня. Я пробегаю по бумагам и протягиваю ей письмо.

- Контакт верный, - произносит она. - Бланк официальный. Номер заявки тоже.

- Я же говорила! - голос Алены опять почти срывается на крик. - Я не сумасшедшая! Ваши люди обещали!

- Никто не говорил, что вы сумасшедшая, - спокойно отзывается Мария Петровна.

Интересно, если в этот дом влетит метеорит, Мария Петровна сначала поправит салфетки, а потом уточнит у метеорита, записан ли он на прием?

Но, черт возьми, сейчас эта ее ледяная собранность очень успокаивает.

- Посмотрите, там, - тыкает пальцем Алена. - Там есть уточнение. Поэтому я... нашла ваш адрес и приехала сюда...

Я беру внутреннюю форму Фонда, листаю и вижу примечание. Короткое. От руки.

«Отложить до личного согласования с В.А.»

- Мария Петровна, - тихо говорю я и показываю строчку. Она смотрит. Потом поднимает глаза на Игоря. Тот подходит ближе. Бросает взгляд на лист.

- В системе такой резолюции нет, - говорит он.

- Зато на бумаге есть, - отвечаю я.

Алена переводит взгляд с меня на Марию Петровну.

- Что это значит?

Плохой вопрос. Потому что я уже чувствую: ответ будет не про ошибку секретаря.

- Это значит, - ровно произносит Мария Петровна, - что ваше дело... отложили.

- Отложили? - резко вскидывается Алена. - Но почему?

- У меня нет ответа, - так же ровно говорит Мария Петровна. - Пока нет.

Я снова смотрю на бумагу. И чувствую, как у меня внутри поднимается что-то неприятное. Злость. Не та, обычная, бытовая, которой я кидаюсь направо и налево, когда больно или страшно.

Другая. Густая. Тяжелая.

Потому что это все очень плохо пахнет.

И тут в коридоре слышатся шаги. Несколько голосов. Короткий, ленивый мужской смех.

Дверь в гостиную открывается без стука.

Первым входит Влад. Он окидывает всех одним быстрым, тяжелым взглядом: Алена, мальчик, Мария Петровна, я, бумаги у меня в руках.

За ним - Антон. С весьма живописным выражением лица: что-то между любопытством и неприязнью.

А следом за ними - молодая женщина. Очень красивая статная блондинка в дорогом костюме и брендовой сумкой через плечо. Ее серые глаза скользят по всем нам, оценивая обстановку. А потом задерживаются на мне.

И я вижу, как выражение ее лица меняется с равнодушно-го на брезгливое.

«Это кто еще такая?» – пролетает в голове мысль.

Глава 17

- Вот это я понимаю, семейный вечер, - произносит вдруг

Антон. - У кого-то пробежка, у кого-то очная ставка.

- Замолчи, - спокойно говорит Влад.

Алена встает так резко, что стул чуть не падает на пол.

- Это вы? - она смотрит на Влада. - Вы Волков?

- Да.

- Тогда посмотрите мне в глаза и скажите, что ваш фонд ничего не обещал моему сыну!

Влад даже не моргает.

- Если фонд взял на себя обязательства, - отвечает, - они будут выполнены.

Алена коротко, нервно смеется.

- Уже полтора месяца как «будут»!

Антон тихо прислоняется плечом к дверному косяку. Со стороны кажется почти расслабленным. Но я очень хорошо вижу: он не расслаблен.

Он наслаждается.

Не ребенком, не матерью, не чужой бедой. Моментом. Тем, что у отца в безупречном доме - трещина.

И я от этого злюсь на него почти так же сильно, как на всех остальных.

Влад протягивает руку.

- Документы.

Я встаю и передаю ему папку. Наши пальцы соприкасаются на долю секунды. Теплые. Сухие. Уверенные.

И все равно бесит! Бесит меня до дрожи. Именно тем, что даже в такой момент выглядит так, будто уже знает, где сломан механизм и кого за это раздавить.

Он быстро просматривает справки. Доходит до листа с пометкой. Его лицо не меняется. Вообще. Только глаза становятся темнее.

- Ирина, - произносит он, не поднимая головы, - объясните.

«А, так это Ирина Ланская! Ну посмотрим, что ты скажешь стерва брезгливая».

Ирина чуть приподнимает уголок губ.

- У меня возникло сомнение по срокам оплаты со стороны партнеров, - произносит совершенно спокойно. - Я не хотела давать семье ложную надежду, пока не будет полной суммы.

- Ложную надежду? - тихо повторяю я, прежде чем успеваю заткнуться.

Ирина переводит взгляд на меня. В глазах что-то мелькает. Удивление?

- Вы поставили пометку о личном согласовании с Владиславом Андреевичем, - продолжаю. - Оно было?

Ирина молчит. Вот просто молчит. Это молчание длится секунду, две, три - и становится ответом само по себе.

Антон тихо выдыхает сквозь зубы. Что-то между смешком и восхищением катастрофой.

- О, - тянет он. - А вот это уже интересно.

- Я сказал, замолчи, - повторяет Влад.

На этот раз жестче.

Антон вскидывает руки, будто сдается, но в глазах у него все равно пляшет опасный блеск.

Влад закрывает папку.

- Вы решили действовать от моего имени? – в голосе ледяная сталь.

- Я действовала в интересах фонда...

- Кто. Дал. Вам. Право.

И тут Ирина наконец-то вздрагивает. И я ее понимаю.

Я видела разные виды злости. Женскую. Пьяную. Истеричную. Паническую. Детскую. Свою собственную - колющую, глупую, вспыхивающую спичкой.

У Влада злость другая. Она не горит. Она давит. И становится нечем дышать. Как под обвалом.

- Если бы операция сорвалась из-за неполной оплаты, - Ирина пытается говорить спокойно, но голос уже дрожит, - Это бы повредило Фонду.

- И не посчитали нужным сообщить семье правду? - вылетает из меня.

- А вы вообще кто? - она резко поворачивается и впивается в меня взглядом.

Я даже почти смеюсь. Потому что да. Отличный вопрос. Сегодня просто хит вечера.

Но ответить я не успеваю.

- Человек, - произносит Влад, не глядя на нее, - который с этого вечера будет контролировать все дела Фонда. Привыкайте.

И вот тут в комнате меняется вообще все.

Мария Петровна не шевелится, но я почти физически ощущаю: она это отмечает. Серьезно так. Будто ранг повышает.

Игорь - тоже.

Алена смотрит на меня с надеждой, которая мне совершенно не нравится. Слишком тяжелая штука - чужая надежда. Она сразу ложится на плечи весом, к которому никто не готов.

Антон отрывается от косяка.

Его лицо на секунду становится жестче. Ревнивее. Опаснее. Как будто это короткое владово «привыкайте» ударило не только по Ирине. Но и по нему?

Черт. Ну да. А как иначе? Одно дело - копаться в папках в тихом кабинете. И совсем другое - когда тебя вот так, при всех, ставят в позицию равного "самому главному".

Не сына... а какую-то покупную невесту!

- Ирина, - продолжает Влад, - вы больше не ведете адресную медицинскую помощь. С этого момента - отстранены до полной проверки.

- Но...

- Завтра вы передаете Маргарите Николаевне все дела по текущим заявкам. Без исключений.

Ирина смотрит на меня так, будто уже мысленно придумывает, как именно меня убить.

«Взаимно, дорогая».

«Абсолютно взаимно».

- Что касается Кирилла Громова, - Влад переводит взгляд на Алену. - Сегодня клиника получит гарантийное письмо. Оплата уйдет утром. Если понадобится доплата сверх сметы - фонд закроет ее полностью.

Алена опускается обратно в кресло так, будто у нее внезапно отказали ноги.

Прижимает ладонь ко рту.

Глаза у нее блестят, но она, видимо, слишком устала, чтобы плакать.

- Вы... это правда? - шепчет она.

- Да.

Кирилл, до этого молча сидевший у камина, вдруг поднимает голову.

- Мам, - шепчет он. - Теперь мы можем поехать домой, да?

И вот это почему-то бьет сильнее всех взрослых сцен, фондов и скандалов.

Домой. Домой...

Я чувствую, как у меня начинают дрожать губы.

«Так, соберись! Здесь нельзя плакать!».

- Поедете, - отвечает Влад.

И тут Антон, который молчал целых полторы минуты - прямо-таки личный рекорд - отталкивается от косяка.

- Ну надо же, - говорит он лениво. - Как быстро все решается, когда проблема приезжает прямо под камеры у дома...

Дорогие читатели!

Предлагаю вашему вниманию новинку из нашего литмоба!

Н
И
Н
А Х
А
Д

После пережитого кошмара, расколовшего её жизнь на “до” и “после”, Диана была вынуждена сбежать из семьи. Теперь её жизнь - сцена клуба, где темнота скрывает не только тело, но и шрамы на душе. Здесь, среди фальшивого блеска и чужих взглядов, она встречает ЕГО - мужчину, который смотрит на неё не как на объект вожделения, а как на личность.

Но правда жестока: прекрасный принц носит маску. А когда на его пути появляется соперник в лице человека, чья кровь является родной, борьба за сердце любимой превращается в ад для всех троих.

ЧИТАТЬ ТУТ <https://litnet.com/shrt/YK1c>

Глава 18

Это уже не укол. Это удар.

Влад мееееедленно поворачивается к сыну.

- Выйди, - голос спокойный, почти равнодушный.

- Что, неприятно слышать? - Антон усмехается, но слишком быстро, нервно. - Или мне еще напомнить, сколько таких «отложенных согласований» лежит у тебя по фонду, пока все делают вид, что благотворительность - это красиво?

В гостиной будто становится меньше воздуха.

Я вижу, как у Марии Петровны чуть напрягается линия рта. Как Алена инстинктивно притягивает сына ближе. Как Ирина наконец-то белеет.

"Ага, видимо там есть что-то помимо проволочек. Что-то покрупнее".

И как Влад делает один шаг вперед. Всего один.

Но у меня внутри все сжимается так, будто это шаг не по ковру, а прямо по моим нервам.

- Антон, - произносит он очень тихо. - Еще слово при гостях... и ты вылетишь... не только отсюда.

Антон смотрит на него в ответ. С той самой волчьей яростью, которой у них, похоже, один комплект на семью.

А потом переводит взгляд на меня. И улыбается.

"Черт. Это плохо. Очень плохо".

- Понял, - щерится. - Тогда поговорим позже. Семей.

И выходит. Вот просто берет и выходит. Оставляя после себя ощущение бензина, который плеснули в огонь.

Влад поворачивается к Игорю:

- Организуй машину для Алены и Кирилла. Свяжись с клиникой лично. Подтверждение мне на телефон.

- Да.

- Мария Петровна, проводите... всех.

- Да, Владислав Андреевич.

- Марго... - Он впервые за весь этот хаос называет меня по имени, без отчества, без дистанции. - Ты со мной.

Я киваю. Быстро и послушно. И ненавижу себя за это.

Алена шепчет спасибо. Снова и снова. Уже не мне, не Владу - в воздух, как люди шепчут после долгого страха, когда еще не верят, что можно выдохнуть.

И только когда их уводят, когда Ирина с белым лицом исчезает вслед за Марией Петровной, когда в комнате остаемся только я и Влад, я понимаю, что этот дом только что открыл передо мной пасть чуть шире - и показал, что внутри у него не только деньги, власть и красивые приемы.

Внутри у него гнилые зубы.

И Влад это знает.

Он смотрит на меня несколько секунд. На мои кроссовки. На спортивную куртку. На папку Громова, которую я так и держу в руках у меня в руках.

Потом подходит ближе. Почти вплотную.

- Тебе все еще скучно? - спрашивает он тихо.

Я поднимаю на него глаза.

- Уже нет.

- Хорошо, - говорит Влад. - Тогда идем. Посмотришь... что еще интересного у нас есть.

Мы проходим в кабинет. Сейчас он мне уже не кажется бункером. Теперь это просто комната с лампой.

- Ты все документы просмотрела? – спрашивает, поднимая на меня взгляд.

- Нет, но кое-что у меня уже вызвало вопросы.

Я делаю шаг к двери, чтобы сходить и принести мои заметки, но он делает рукой останавливающий жест, а потом тыкает кнопку внутреннего телефона.

- Бумаги и компьютер Маргариты Николаевны ко мне. И все текущие кейсы по адресной медицинской помощи за последние шесть месяцев.

Я вздыхаю. Оказывается, вот так нужно, а не самой бегать.

Влад снимает пиджак, бросает его на кресло и закатывает рукава рубашки. Белая ткань. Крепкие запястья. Рельефные предплечья.

«Очень своевременно замечать такие вещи, Марго».

«Просто великолепно».

Он открывает свой ноут и погружается в чтение. Я забираюсь в кресло с ногами и жду, не отвлекая его от работы.

"Не пялься!"

"Стараюсь".

Через несколько минут в кабинет с легким стуком входят Игорь и Мария Петровна. Приносят папки. Те самые, которые я листала днем, плюс новые, толще, с цветными закладками.

- Спасибо, - говорю я.

Мария Петровна переводит взгляд на меня. Кивает. В ее лице нет ни одобрения, ни холода, ни следа той вежливой взбучки, которую она мне устроила пару часов назад. Только рабочая собранность.

Дверь закрывается. Мы остаемся вдвоем.

- Начнем с простого, - произносит Влад. - Что ты увидела?

Я вылезаю из кресла, подхожу к столу, забираюсь на столешницу.

Он вздыхает, а потом тянется, придвигает кресло, хлопает по нему рукой. Я пожимаю плечами, но пересаживаюсь.

- Простого тут мало, - начинаю я, подтягивая к себе папку.

- Но если коротко: деньги у фонда есть. Механизм помощи тоже есть. И где-то между ними сидит кто-то очень ловкий.

- Конкретнее.

- Часть адресных кейсов подвисает на повторных согласованиях. Формально не отказ. А растягивание. При этом в те же периоды раздуваются расходы на мероприятия. Деньги не исчезают в лоб. Они уходят туда, где меньше крика и больше красивых фотоотчетов.

- Ты хочешь сказать, что они перекладывали деньги с живых людей на красивую картинку?

- Я хочу сказать, что, если бы мне нужно было украсть, не воруя формально, я бы делала именно так.

- Показывай.

Я листаю, нахожу нужные страницы, поворачиваю к нему.

- Вот, вот и вот. Обрати внимание – здесь везде один и тот же подрядчик.

- «Гранат Консалт», - шурится.

- Да. Милое название. Прямо чувствуется забота о детях.

Он откидывается на спинку кресла и сцепляет пальцы. Я вижу, как напрягается челюсть.

- Сколько?

- Пока не знаю точно. Но если по верхам - достаточно, чтобы кого-то закопать. И недостаточно, чтобы назвать это случайностью.

- Отлично.

- Ты говоришь «отлично» так, будто собираешься кого-то убить.

- Пока нет.

- А потом?

Он смотрит на меня прямо.

- Потом посмотрим.

Меня пробирает дрожь. Такое странное ощущение, когда рядом с тобой сидит опасный человек, и ты понимаешь, что сейчас опасность направлена не на тебя, но от этого все равно не становится легче.

Я убираю прядь волос за ухо.

- И еще, Влад.

- Что?

- Твой фонд слишком привык к твоему имени как к печати на все случаи жизни. Личное согласование, устное согласование, перенос до решения В.А. Если половина этого не настоящая, значит, люди годами прикрывались твоей фигурой. А ты все спускал на тормозах...

Он встает так резко, что кресло скрипит ножками по паркету. Обходит стол. Останавливается у окна.

Спиной ко мне.

Широкие плечи. Белая рубашка на темном стекле. Руки в карманах. Очень тихий мужчина, от которого у умных людей обычно включается инстинкт выживания.

У меня он, видимо, сломан. Потому что я все равно продолжаю смотреть.

- Ты много себе позволяешь, - произносит Влад.

- Ты сам дал мне эти бумаги.

- Я посадил тебя разбирать цифры. Не ставить диагноз мне.

- А они у тебя, к сожалению, в одном файле.

Он поворачивается. Медленно. А потом - резко, в два шага - оказывается около меня. И наклоняется так близко, что я чувствую его тепло щекой.

Вот всегда так. Либо расстояние в три комнаты, либо сразу в дыхание.

- Осторожнее, Марго, - рычит. - Когда начинаешь гово-

ритель мне правду, важно не перепутать ее с удовольствием меня задеть. От второго бывают очень неприятные последствия...

Дорогие читатели! Приглашаю вас познакомиться с еще одной историей литмоба. Книга выходит бесплатно в процессе!

Миранда Шелтон *“Нам нельзя. Сын моего жениха”*

<https://litnet.com/shrt/abMX>

Миранда ШЕЛТОН

Я разочаровалась в мужчинах и решила, что отныне в моей жизни не будет любви. Только голый расчет, ведь нельзя разбить сердце, если ему все равно.

Игорь был идеальным вариантом. Вдовец. Все еще в относительно неплохой форме, хоть и старше меня в два раза. А главное — сказочно богат. Мы готовились к свадьбе, и все шло по плану, пока из армии не вернулся его сын.

Высокий, с подтянутым натренированным телом и холодным презирающим взглядом, Артем ворвался в мою жизнь и перевернул ее вверх дном, а я не заметила, как наша вражда переросла в запретную страсть.

В книге есть:

#дерзкая, уверенная, немного эгоистичная героиня, которая не лезет за словом в карман

#наглый и холодный герой, который (естественно) хочет ее до безумия

#от яростной ненависти до пламенной любви

#любовный треугольник

#очень страстные и горячие сцены#####

Глава 19

У меня внутри все вспыхивает. Не от страха. А отчего? Отчего по всему телу побежала горячая волна? Отчего сбилось дыхание? Отчего застучало сердце?

От злости! Вот отчего! Да! Потому что он, гад такой, прав. Я хотела его задеть. Слишком сложно искренне относиться к тому, кто тебя купил.

- Вот это и есть главная проблема, - я сужаю глаза, - Слушать и слышать, а не требовать поклонения. Не стоит в правде видеть нападение.

Его взгляд скользит по моему лицу. По губам. Снова в глаза.

- Ты дерзкая, - скалит зубы.

- Ты наблюдательный.

- И очень злая.

- Есть повод.

- На меня?

- На тебя тоже!

Он морщится.

- И отчего же ты злишься?

- Да от этого всего! - тыкаю пальцем в бумаги, потом в него. Грудь твердая как камень. Пальцу больно. От этого я взвиваюсь окончательно: - Ты давишь! Да! Вот... вот зачем ты мне про почки говорил?! А?!

- Почки? – тарашится. – Какие почки? Когда?

- Тогда, Влад! Тогда! Кости ломать, почки вырезать. Всей семье. Ты же не собирался этого делать!

- Откуда ты знаешь..., - ухмыляется, - что не собирался?
Я открываю рот. Закрываю.

Я не знаю. Я предполагаю. А он не подтверждает и не опровергает - просто смотрит.

- Потому что... это... не про тебя... а про кредиторов?
Уголки губ чуть ползут вверх.

- Ты нарочно, - выдыхаю.

- Всегда, - говорит он.

Выпрямляется. Отходит.

И я опять бешусь. Ну куда он пошел?! Хотя... почему бешусь? Мне что нравится, когда он вот так разговаривает и вот так нависает? Вот же блин!

- Хорошо, - поворачивается ко мне. - Допустим, ты права.
Мысли тут же улечиваются. Остается только одна.

«Что он сейчас сказал?».

- Повтори, - говорю. - А то мне показалось, в этом доме только что случилось чудо.

Поводи плечами.

- Не льсти себе. Чудо - это если бы ты замолчала сама.

- Это уже из области фантастики, - бурчу.

Он вздыхает. Возвращается в кресло.

- Но в одном ты ошибаешься, - притягивает к себе папку.

- Я не создавал систему вранья и поклонения. Я создавал

систему скорости. Смотри сюда.

Он открывает электронную выписку на ноуте. Я наклоняюсь, почти касаясь плечами.

От него пахнет кофе и холодным ночным воздухом.

От меня, наверное, усталостью и раздражением.

Чудесный коктейль.

- Видишь? - Влад показывает разветвленную сеть попечителей. - К каждому попадает ровно столько заявок, сколько он реально готов принять.

- Но кто-то из этих прекрасных людей решил немного отложить себе в карман.

Вспоминаю Алену у ворот. Кирилла. Его кашель. Его «теперь мы можем поехать домой?»

- Мрази, - выдыхаю.

- Да.

Просто, спокойно. И почему-то именно это «да» цепляет меня сильнее всего. Не снисходительное. Не холодное. Чистое. Ровное. Как будто он даже не спорит со словом, просто кладет его на место.

Я поднимаю глаза и встречаюсь с его взглядом, в котором... есть что-то, чего я пока не понимаю.

- Что? - спрашиваю я.

- Ничего.

- Неправда.

- Непривычно видеть, что тебя злит не только то, что касается лично тебя.

Я усмехаюсь.

- Поздравляю. Во мне обнаружена базовая человеческая функция.

- Это сарказм.

- Это защита, - фыркаю.

- Я заметил.

Я таращусь, а он переводит взгляд на экран компьютера.

- Знаешь, что еще меня занимает, - как будто сам себе. —

Откуда он мог знать про все эти проволоочки...

Я не спрашиваю «кто он».

- Ведь он точно это знал, - продолжает.

- Может кто-то слил?

- Возможно.

- Это не значит, что он в доле.

- Это не значит и обратного.

Я откидываюсь на спинку кресла. Вот, началось. Только что мы были почти союзниками. Почти. И вот уже Влад снова натягивает на сына привычную шкуру врага, а я почему-то злюсь.

Не потому что уверена в Антоне. Не уверена. Вообще нет. Но чувствую: здесь не все так просто.

- Ты всегда так удобно раскладываешь людей? - спрашиваю я. - Кто против тебя - тот автоматически подозреваемый?

Влад медленно поворачивает ко мне голову.

- А ты всегда так легко кидаешься защищать моего сына?

- Я не защищаю. Я думаю.

- Опасная привычка.

- Смешно. Особенно от человека, который только что доверил мне копаться в своем фонде.

Он кладет ладонь на стол.

- Марго. Если бы Антон нашел компромат, он бы не принес его мне, он бы подождал подходящего момента и ударил.

- Или начал шантажировать, - шепчу. – Ты же собирався отрезать его от содержания. Я видела в бумагах твои пометки.

Влад смотрит на меня.

Я думаю. Мысли бегут как табун от пожара.

- Иииии... он знал, - тяну, соображая, - Что времени мало. Что ему нужно что-то сделать прямо сейчас.

- Вероятно.

- Ты это специально! Ты хотел... ты хотел, чтобы он зашевелился?

Молчит. Глаза не отводит. А в них появляется... боль?

- Я хотел посмотреть, что он сделает.

- Посмотрел? – цокаю. – А теперь дуешься, что он тыкает тебя в твои промахи?

- Мой сын не тычет. Он поджигает.

- А может, потому что ты не слышишь ничего, кроме взрыва? – я шурюсь. А потом добавляю: - Он твой сын.

- И что?

- Что? Ну например ты лишил его денег, ты только что

при всех отдал дела фонда мне. Женщине, которую знаешь несколько дней. А он - твой сын, Влад.

Слова вылетают раньше, чем я успеваю подумать.

Он замирает. Я тоже.

«Ну все. Теперь точно доигралась».

- А ты бы хотела, - рычит, - Чтобы этот щенок имел возможно разрушить то, что я так долго строил?

- Почему ты так уверен в этом? Почему не даешь ему шанса?

Он откладывает ручку. Переводит взгляд на окно. И смотрит туда так, как смотрят на что-то, что давно решено и не требует пересмотра.

- Потому что так и будет, - спокойно, почти равнодушно. - Это сложно признать, но это просто по факту. Я... облажался. Как отец. А он... облажался как сын...

Я замираю.

Первый раз - первый раз за все время - он не выглядит как хозяин кабинета. Просто как человек, у которого что-то сломалось давно, и он уже не уверен, можно ли починить.

- Слушай, - говорю я осторожно. - А ты пробовал... поговорить с ним?

Он поворачивается ко мне. Сдвигает брови.

- Марго. Не включай учительницу.

- Чего?

- Мы не в романе, где отцы и сыновья... разговаривают. Реальность такова: я давно перестал кричать, чтобы он меня

хоть как-то услышал.

- А ты не пробовал... - запинаясь, - Не пробовал говорить тихо?

Таращится.

- Да почему ты за него заступаешься? - произносит наконец.

- Потому что вижу двух упрямых идиотов, которые могли бы разобраться, но не разбираются - из принципа.

Я смотрю ему в глаза. Они сейчас очень темные. Кажется, что его взгляд прожигает меня насквозь.

- Да, - продолжаю упрямо. - Это не мое дело. Но ты спросил.

- Я не спрашивал.

- Ты смотрел так, будто хочешь, чтобы кто-то сказал, что твой сын не обязательно подонок. Ты считаешь его недостойным, но..., - я развожу руками.

Тишина. Долгая. Неудобная. Живая.

- Он *не*недостойн, - произносит наконец. Как будто не мне. Как будто сам себе случайно вслух. - Он выбрал стать недостойным. Это хуже.

Я не отвечаю. Потому что с этим уже не поспоришь. И потому что в этом - столько боли, что возражать было бы жестоко.

Дорогой читатель. Пока пишется новая глава, в которой выяснится неожиданная подробность о прошлом Влада и

Марго, хочу предложить вам окунуться в мою новую историю.

«Мой неправильный мужчина»

Она - 34 года. Должность, жених, четкий план на все.

Он - 28 лет. Хамит, дразнит, проламывает все границы.

Она уверена: он ее просто бесит. Он уверен: она сама не знает чего хочет.

#дерзко и местами *очень* неприлично:)

ЧИТАТЬ ТУТ

<https://litnet.com/shrt/NfEI>

Глава 20

Мы сидим тихо-тихо. Минуту. Две. Пять.

- Влад... – наконец произношу я.

Он откашливается.

- Давай вернемся к бумагам, - отрезает.

Ну что ж. Минутка слабости пройдена и прожита. Живем дальше в привычных условиях. Страшный волк, говнюк волчонок и Красная шапочка.

- Что тебе нужно для дальнейшего анализа ситуации?

Я провожу пальцем по строке расходов.

- Мне нужна полная выгрузка. Кто менял статусы, когда, с какого устройства, какие комментарии удаляли.

- Получишь.

Я придвигаю к нему три листа.

- Понять кто можно, думаю, если все сверить. Ланская тормозила кейсы. Но для смещения денег между блоками нужен кто-то, кто видит картину шире и понимает, где не заорут сразу.

Глаза Влада сужаются.

- А у тебя прямо талант. Неприятный, но талант.

- Это комплимент?

- Это констатация, - фыркает.

- Ну тогда придется привыкнуть.

- Я уже.

И вот это «я уже» отзывается внутри. Теплом. И с какой спрашивается стати? Совсем не вовремя!

Он опускает глаза на листы, а я хватаюсь за следующий документ, лишь бы не думать о том, как легко между нами сейчас течет разговор. Без постоянного перетягивания каната. Без игры в кто кого продавит первым.

Почти как будто мы можем работать вместе. Почти как будто это безопасно.

Само собой, это не так.

- Влад, - говорю я через минуту, - Мне кажется, что основная точка входа всей их схемы – партнерские программы.

- Похоже на то.

- А кто утверждает консультантов по партнерским программам?

Он открывает внутреннюю карточку. Листает. Останавливается. Лицо становится каменным.

- Что?

Он поворачивает экран ко мне. Я вчитываюсь. Ольга Александровна Мишина.

- И?

Влад молчит еще секунду.

Потом говорит очень тихо:

- Это жена моего партнера. И... крестная Антона.

Я поднимаю голову.

Точка пересечения? Место, где начинаются настоящие семейные тайны? Не в криках у ворот. Не в наглой координа-

торше. Здесь. Где деньги, связи, старые обязательства и «семья» переплетаются так тесно, что уже не отделить одно от другого.

- Она близка к Антону? - спрашиваю я.

- Слишком.

- А к тебе?

Морщинка между бровей становится глубже.

- Раньше была.

Небольшая, очень неприятная пауза. Я смотрю на экран. На фамилию. На Влада. Потом снова на фамилию.

- Значит, вариантов два, - говорю. - Либо Антон действительно знал схему через нее. Либо его используют, чтобы ты первым делом подумал на него.

- Есть и третий.

- Какой?

- Он ее использует сам.

- Ты как будто специально выбираешь худший.

- Обычно он и оказывается правдой.

Я хочу съязвить. Правда хочу. Но вместо этого вдруг спрашиваю совсем другое:

- А ты вообще умеешь не ждать от него худшего?

Влад смотрит на меня очень долго. Так долго, что мне самой хочется отвести глаза. Но я не отвожу. Пусть. Пусть смотрит. Пусть отвечает. Или не отвечает.

- Раньше умел, - говорит он наконец.

Все. Всего два слова. Спокойные. Сухие. И в них поче-

му-то больше усталости, чем во всем сегодняшнем хаосе.

И я не знаю, что с этим делать. Честно.

Когда Влад злится - понятно. Когда давит - понятно. Когда бросает приказами - тоже.

А вот эта усталость в нем мне не нравится. От нее он становится не мягче. Ровно наоборот.

Я отворачиваюсь к бумагам.

- Ладно, - говорю. - Тогда идем не от чувств. От фактов.

- Согласен.

- Проверяем Мишину.

- Да.

- И Антона.

Влад поднимает бровь.

- То есть теперь ты согласна?

- Я согласна не быть душой. Если он внутри этого круга хоть краем рукава - лучше узнать сейчас. Если нет - тоже лучше узнать сейчас.

- Хорошо.

Я поджимаю губы.

- Но если окажется, что он пытался ткнуть тебя в дыру, а ты привычно решил, что он просто гаденыш с канистрой, я первая тебе это скажу.

- Не сомневаюсь.

- И скажу с удовольствием.

- Вот в это я верю особенно охотно.

Я все-таки фыркаю. И он - почти улыбается.

Почти. Чертовски опасное «почти».

Потому что именно на нем легче всего забыть, с кем ты сидишь в одной комнате в два часа ночи, перебирая документы о чужой боли.

Я тянусь за папкой одновременно с ним. Наши пальцы сталкиваются.

Снова.

На этот раз никто не отдергивает руку сразу.

Моя ладонь под его - теплая, живая, слишком чувствительная после всего что случилось этим вечером. Его пальцы сжимаются как будто случайно, удерживая меня на долю секунды дольше, чем надо.

Я поднимаю глаза. Он уже смотрит. Без улыбки. Без игры. Просто смотрит.

И вот это, конечно, куда хуже любого флирта.

Потому что в комнате, полной бумаги, цифр и грязи, вдруг становится слишком мало воздуха и слишком много всего остального.

- Мы сейчас разбираем фонд, - говорю я тихо. На всякий случай. Для протокола. Для собственной психики.

- Я в курсе.

- Тогда убери руку.

Он отпускает. Медленно. И возвращается к документам так, будто ничего не было.

Сволочь.

Я делаю вдох. Потом еще один.

Беру другую папку. «Дополнительные выплаты по личному распоряжению В.А.».

Я пробегаю его глазами и вдруг утыкаюсь в строчку, от которой у меня холодеет внутри.

Соколов Н.В. - единоразовая выплата.

Дата. Сумма. Пометка: «заккрытие обязательств».

Сумма - ровно та, что составлял долг отца. Дата – за неделю до знаменательной встречи и подписания брачного контракта.

- Влад.

- Да? - он не отрывается от своего листа.

- Соколов Николай Витальевич. - Я произношу это ровно.

- Это мой отец.

Дорогие читатели!

Представляю вам ещё одну книгу из нашего моба “Цена любви”

<https://litnet.com/shrt/cBQ9>

Моя
НАВЕКИ
ВАНЕССА РАЙ

Он подошёл вплотную, властно откинул мои волосы в сторону и надел ожерелье. Украшение обвило мою шею, как удавка.

— Ты уверен, что эта свадьба необходима?

— Уверен, — ответил Рубальский без колебаний. — А почему ты спрашиваешь? Забыла наш договор?

— Не забыла, — прошептала я. — Просто ты же не любишь меня. И о моих чувствах ты знаешь. Тогда зачем я тебе, скажи?! — последняя фраза вырвалась с надрывом.

Три месяца назад я заключила договор с крупным бизнесменом Станиславом Рубальским. Он даёт мне крупную сумму на лечение моей сестры, а я становлюсь его женой. Лечение не помогло, и сестры у меня не стало. Но остался долг.

Я почти смирилась с будущей свадьбой, пока в гости к нелюбимому жениху не приехал его сын...

ЧИТАТЬ

<https://litnet.com/shrt/WQ-x>

Глава 21

Тишина. Не та тишина, когда человек не знает, что сказать. Та, когда знает - и решает, говорить или нет.

Влад кладет лист на стол. Смотрит на меня.

- Да.

Одно слово. И меня пронзает догадка. Я медленно поднимаюсь с кресла.

- Ты знал его, - шепчу.

- Да.

- До меня. До всего этого. Ты знал его раньше!

Влад откидывается на спинку кресла.

- Садись, Марго.

- Я постою.

- Сядь, - повторяет он тише. Не приказ. Но и послушаться невозможно. - Это долго.

Я обхожу стол и сажусь в кресло. Подальше...

«Как можно дальше...».

Он молчит еще секунду.

- Мы учились в одной школе, - спокойно, как какую-то ничего не значащую историю. - Я - на год младше. Ему было четырнадцать, мне - тринадцать.

Я не говорю ничего. Слушаю.

- Я тогда был другим, - шурится. - Тощим. Очкастым. Из семьи без денег и без имени. Он - нет. Соколовы всегда бы-

ли... успешны.

«Бабушка и дедушка... их уже нет... но рассказы я слышала».

- Он не один меня бил, - без злости, ровно. - Их было трое. Но он был старшим. Он придумывал.

У меня перехватывает горло. Не слёзы - просто горло закрывается само, без разрешения. Я сижу и не понимаю куда смотреть. На него смотреть нельзя. На пол - глупо. Поворачиваюсь к окну.

«Папа».

Мой смешной, безалаберный, вечно влипающий в истории папа. Который читал мне Пушкина вслух по вечерам. Который плакал на моем выпускном. И который... в четырнадцать лет... бил тощего очкарика из бедной семьи.

- Сколько это длилось? - шепчу.

- Два года. Потом мы переехали, - он берет со стола ручку. Крутит в пальцах. - Я забыл про него. Думал, что забыл.

- Но не забыл.

- Нет, - тихо, без самооправдания. - Когда начал зарабатывать первые деньги, нанял человека. Просто узнать - как живет. Где. Кем стал.

- Ты следил за ним.

- Я интересовался, - пожимает плечами. - Это разные вещи.

- Для него - нет.

- Для него - да. Он не знал.

Я перевожу взгляд на стол, заваленный папками. Но не выше. Не на него.

- И что ты узнал?

- Что он стал тем, кем должен был стать. Азартный. Непостоянный. Способный на хорошие порывы и ни на одно хорошее решение... И что у него есть семья.

У меня опять перехватывает дыхание.

- Ты знал обо мне.

- Да.

- До того как он все проиграл.

- Да.

Я медленно выдыхаю.

- Когда он влез в долги - ты узнал об этом сразу.

- В течение суток.

- И ты мог просто погасить их. Анонимно. Без условий.

Он молчит.

- Но вместо этого... ты решил... забрать меня.

Тишина длится долго.

- Да, - в голосе ни оправдания, ни раскаяния. Просто правда, которую он мне отдает, как отдают долг - полностью, без остатка.

Я встаю. Подхожу к окну и смотрю в темноту сада.

«Думай», - говорю я себе. - «Не чувствуй. Думай».

Он использовал отцовский долг. Но не создавал его - отец справился самостоятельно. Он следил за нашей семьей - но не причинял вреда. Он получил меня... Чтобы использовать

– посадить, убить? Но... можно ли теперь верить Антону? И если да – то почему он дает мне полномочия в фонде?...

- Зачем ты мне это рассказываешь? - голос не дрожит. Почти.

- Ты сама все увидела. И сама все поняла, - отвечает он.
- Мне удобнее, чтобы ты знала правду от меня, а не придумывала свою версию событий.

- Удобнее, - повторяю я.

- Да.

Я разворачиваюсь.

- Но... это же... месть?

Он смотрит на меня прямо.

- В тринадцать лет - я думал о том, как отомщу, да. Я хотел стать сильным, смелым, богатым... и чтобы он... он когда-нибудь пришел ко мне за помощью и валялся у меня в ногах.

- И?

- Мне пятьдесят, - он откладывает ручку. - Тот мальчик, которого он бил, вырос. Добился всего, о чем мечтал. И ему... уже не нужна месть. Она уже случилась. Самим фактом того, кем я стал.

- Тогда зачем я?

Молчит. Долго.

- Я наблюдал за всеми вами, - наконец говорит. Тихо, размеренно. - Но больше всего – за тобой. Такой умницей. В таких хреновых обстоятельствах.

У меня начинает пульсировать в висках.

- И я хотел посмотреть, - продолжает он, - что будет, если дать тебе другие условия.

- Ты хотел посмотреть, - повторяю я медленно, - как лабораторная крыса поведет себя в другом лабиринте.

- Я хотел посмотреть, что будет, если сделать тебя не крысой, а волчицей.

Я смотрю на него.

Он смотрит на меня.

Часы тикают на стене.

- Это должно меня успокоить? - спрашиваю я наконец.

- Нет, - пожимает плечами. - Просто это правда.

Отец бил его два года. А потом вырос в человека, который читал мне Пушкина... А потом стал человеком, который превратил жизнь нашей семьи в ад. Но он не продавал меня.

А Влад... Влад не просто купил бесприданницу. Влад взял самое дорогое что у отца было – дочь...

«И как мне теперь со всем этим жить?».

«Осталось понять только кое-что еще...».

- Влад.

- Да.

- Ты знал, что возьмешь меня... еще до того как отец проиграл?

Самый важный вопрос. Тот, от ответа на который зависит - кто этот человек на самом деле.

Он не отводит взгляд.

- Нет. Я знал, что если он когда-нибудь придет ко мне - я

ему помогу. Просто помогу. Но..., - прочищает горло. - Пришел не он. Пришла ты. И я решил иначе.

- Сразу?

- В тот же миг.

- Но... это... странно.

- Вероятно.

Я смотрю в окно. Потом обратно на него.

- Ты хоть понимаешь, - говорю я тихо, - что я сейчас должна была бы встать и уйти? Или закричать. Или что-нибудь швырнуть в тебя. Потому что то, что ты мне сейчас рассказал - это... какой то... кошмар.

Он смотрит на меня долго. И молчит. Просто молчит.

- Отцу нельзя говорить, - бормочу, - это его убьет.

- Как скажешь.

- Он не должен знать, кто ты!

- Как скажешь.

Я киваю. Медленно. Прокручиваю в голове все что услышала.

Месть, которая не состоялась. Слежка, которая стала привычкой. Девочка в документах, которую он не знал - и захотел узнать.

«Или захотел сохранить».

«Или захотел забрать себе, потому что не умеет иначе».

- Можно я пойду? - спрашиваю я.

- Да.

Я медленно иду к выходу. У двери останавливаюсь - не

оборачиваясь.

- Влад.

- Да.

- Ты сказал, что хотел посмотреть, что будет если сделать меня волчицей.

- Да.

- Ну и? Что ты видишь?

Тишина. Долгая.

- Вижу, - произносит наконец, - что она вполне успешно осваивает территорию.

Я выдыхаю. И выхожу.

Иду по коридору. Тихо, ковер глушит шаги. Останавливаюсь у окна - там внизу сад, фонари, мокрая трава.

«Папа», - думаю я. - «Ты такой дурак».

За спиной, в кабинете, тихо. Влад не вышел следом.

И это меня не удивляет, но почему-то расстраивает...

Дорогие читатели. Представляю вашему вниманию еще одну новинку нашего моба

«Чужая невеста. В плену у любви»

МАЙЯ
Руг

Когда Олеся согласилась на фиктивный брак с боссом, она думала только о спасении отца.

Тогда она ещё не знала, что у её будущего мужа есть взрослый сын.

Амир — дерзкий, насмешливый и невыносимо притягательный. Он с первого взгляда понял, что в этом браке что-то не так. И решил доказать Олеся, что она никогда не станет женой его отца.

Потому что она уже принадлежит ему.

ЧИТАТЬ

<https://litnet.com/shrt/mQKD>

Глава 22

В комнате темно.

Я не включаю свет. Просто захожу, закрываю дверь и стою у порога, пока глаза привыкают. За окном - фонари, сад, влажная темнота. Та же, что была из коридорного окна. Только здесь тише.

Сажусь на кровать. Прямо так - в спортивной куртке, в кроссовках. Смотрю в потолок.

«Папа», - думаю опять.

Беру телефон. Поздно. Ну и пусть!

Тыкаю контакт. И пальцы дрожат как обычно.

Сколько раз я ему вот так звонила? На грани истерики? Перед выпускным, когда он опаздывал. После маминей операции, когда он не брал трубку три часа. В ту ночь, когда пришли первые коллекторы и я в одиночку разбиралась с ними в подъезде.

Он берет после второго гудка.

- Доча! - голос бодрый, почти радостный. - Ты как там? Все хорошо?

- Нормально, - говорю я. - Пап, я хотела спросить. Долг. Ты разобрался?

- А, это! - он смеется. Легко, как смеются люди, у которых все позади. - Само рассосалось, представляешь? Позвонили, сказали - закрыто. Я не стал особо разбираться. Бог дал, бог

взял, главное - тихо стало.

Само рассосалось. Я закрываю глаза.

«Миллионы рублей. Угрозы. Брачный контракт. Кабинет, где стоял мужчина с холодными глазами и говорил про почки спокойным голосом бухгалтера. Само рассосалось, папа».

- Хорошо, - говорю я вслух. - Рада за тебя.

- Слушай, ты не обижайся, я сейчас немного занят...

И вот тут я слышу.

Сначала - голоса. Несколько. Мужские, приглушенные, но характерные - тот специфический полусшепот, который бывает только в одном месте. Потом - звук, который я с детства научилась узнавать сквозь стены, сквозь сон, сквозь собственное притворство, что все нормально.

Карты. Стук фишек. Атмосфера, которую я ни с чем не спутаю.

- Пап. - Я стараюсь, чтобы голос звучал ровно. - Где ты сейчас?

- Да так, у друга. Все нормально. Ты не переживай!

- У какого друга?

- Марго, да все в порядке, - в голосе появляется легкое раздражение, та нотка, которая всегда означала: не лезь, все под контролем. - Ты прости, мне сейчас некогда, я перезвоню. Целую, дочь!

Гудки.

Я смотрю на темный экран.

Потом кладу телефон на тумбочку, рядом с фотографией - мама и мы с братом, три года назад, еще до маминой больницы, когда мы ездили на дачу к тете Вере и я поймала жуку и орала от неожиданности, а все смеялись.

Жука была маленькая. Отец потом долго рассказывал про нее всем знакомым, раздувая размер раза в три.

Я откидываюсь на подушки.

Из глаз начинают течь слезы. Сами. Без разрешения и без повода. Или со всеми поводами сразу, которые накопились за эти дни. И за всю мою жизнь.

Контракт, Влад, Антон, болеющий мальчик, мой брат, который верит, что мир справедлив, моя мама, надорвавшее сердце из-за таких вот выходов.

И мой отец.

Смешной, безалаберный, любимый, невозможный папа - который сидит где-то у «друга» и снова играет, пока его долг чудесным образом «рассосался».

И он ведь понятия не имеет, что заплатил за него тот мальчик, которого он бил в четырнадцать лет. Только мальчик вырос. И забрал детские долги мною: моим телом, моей душой...

Слезы текут и текут. Я не вытираю - зачем, некому смотреть.

Просто лежу на кровати поверх покрывала, смотрю в потолок, и плачу. Тихо-тихо всхлипывая. Просто плачу.

И тут вдруг стук в дверь - такой тихий, что можно не услы-

шать если не хочешь.

Я сажусь, вытираю слезы, прочищаю горло.

- Войдите, - голос почти ровный.

Дверь открывается. Тонкая полоса света из коридора. В ней - силуэт Марии Петровны. Поднос в руках. На подносе - чашка, от которой поднимается пар, и маленький аптечный пузырек.

Она входит. Ставит поднос на столик, включает маленький торшер у кресла - не верхний свет, не резкий, тихий теплый круг.

Я моргаю.

- Травяной чай, - говорит Мария Петровна. - С медом. И валериана, - кивает на пузырек. - Двадцать капель на треть стакана воды.

Я смотрю на нее.

Она смотрит на меня - без жалости, без той фальшивой мягкости, от которой становится только хуже. Просто смотрит. Спокойно, как смотрят люди, которые видели многое и не делают из чужой боли событие.

- Спасибо, - говорю я.

- Пейте пока горячий.

Я встаю с кровати, подхожу, сажусь в кресло, беру чашку. Чай пахнет по-летнему, по-деревенски. Делаю глоток. Горячо. Горло перехватывает, но по-другому - не от слез, а от тепла.

Мария Петровна не уходит. Стоит чуть в стороне, сложив

руки. Не нависает, не смотрит в упор - просто есть рядом.

- Почему? - спрашиваю я наконец.

Пауза. Маленькая. Почти незаметная.

- Владислав Андреевич сообщил, что у вас был трудный вечер, - произносит она. - И что горячий чай не помешает.

«Трудный вечер».

- Понятно, - я делаю еще глоток. Смотрю в чашку.

Он услышал, как я рыдала? Или просто... решил, что мне нужен чай?

Но если слышал - сам не пришел, конечно. Это было бы слишком.

- Доброго вечера, Маргарита Николаевна, - произносит Мария Петровна и делает шаг к двери.

- Подождите!

Она останавливается.

- Он... он всегда такой?

Она молча смотрит на меня. И в этом взгляде что-то есть. Не ответ, не объяснение. Что-то похожее на «вы уже сами знаете, но еще не решили, что с этим делать».

- Он прекрасный человек, - и голос почти дрожит. - Но не все это видят.

А потом разворачивается и быстро выходит из комнаты.

Я сижу в тишине. В руках - теплая чашка. За окном - сад, фонари, темнота.

«Смешно».

Мужчина, который рассуждал что можно вырезать почки

моим родственникам, который отстраняет сотрудников одним словом, который смотрит на людей как на баланс активов, который в упор не видит своего сына – прекрасный человек?.

Я фыркаю. А потом вдруг понимаю. Да – это все он. Но он услышал, что я плачу. И прислал травяной чай.

«Может, - думаю я, - В каждом волке есть что-то от человека?».

А потом допиваю чашку до дна. Ставлю на поднос. Ложусь поверх покрывала - не раздеваясь, как была.

«Разве может волк стать человеком, после того как сожрал кучу людей? Вряд ли. Очень-очень вряд ли. Даже в сказках такого не бывает. И почему иногда так хочется верить в чудо?...».

Глава 23

Я просыпаюсь от запаха кофе.

Не сразу понимаю где. Потолок незнакомый - высокий, лепнина по периметру. Потом вспоминаю. Конечно. Я здесь. В доме, где травяной чай присылают вместо извинений.

На тумбочке - поднос. Кофейник, крошечная чашечка, масленка, булочка, маленькая вазочка с вареньем. И записка, написанная твердым почерком:

«Владислав Андреевич уехал на весь день. По его распоряжению все документы по Фонду в вашем кабинете. Обед будет подан туда же. Любую помощь окажет Игорь. Меня не будет до 16.00. Ужин в восемь. Будет Антон».

Я читаю дважды.

Записка явно от Марии Петровны. Это как же я дрыхла крепко, что даже не услышала, как она входила?

"Делааааа".

Ну что же, все распоряжения понятны. Впереди меня ждет веселый день. И, судя по всему, еще более веселый вечер...

Весь день я торчу в кабинете, разгребая бумаги. Ищу связи: Ланская, Мишина, подрядчики, Антон... Нахожу крохи – но кто сказал, что все будет просто? Хотя хотелось бы, конечно, ррраз и все встало на свои места.

В семь, когда у меня уже лезут глаза на лоб, а строчки и цифры превращаются в мешанину из китайских иероглифов, Мария Петровна вежливо напоминает мне об ужине. Я киваю и иду собираться.

В восемь я готова. Легкий мейк. Темно-зеленое платье. Закрытое, до колена, с рукавом три четверти. Учительница на родительском собрании, которое обещает быть трудным.

В столовой уже горят свечи. Длинный стол накрыт на троих. Справа Влад. Когда я вхожу, слева как раз опускается в кресло Антон. Значит я в середине. Окей.

Я замедляю шаг ровно на полсекунды. Никто не замечает. Или делают вид.

- Маргарита Николаевна, - Антон встает. Светская улыбка - полированная, без единой царапины. - Выглядите прекрасно.

- Добрый вечер, - говорю я.

Влад молча смотрит, пока я обхожу стол и сажусь. Лицо - чистый лист.

Официант разливает вино.

- Ну, - Антон поднимает бокал, - за семью?

Влад берет свой. Я беру. Мы не чокаемся – просто пьем. Трое людей, у каждого своя версия того, зачем он сидит за этим столом.

Первые двадцать минут - безупречный светский театр.

Антон рассказывает про каких-то знакомых, вскользь упоминает о новой постановке во МХАТе и про новую вы-

ставку в Доме художника, куда он якобы ездил на этой неделе. Влад отвечает односложно. Я слушаю, ем утиную грудку и думаю, что Мария Петровна готовит лучше любого ресторана.

За столом тепло, тихая музыка из невидимых колонок, запах воска от свечей. Если не знать, что здесь происходит, можно принять это за чудесный свесткий ужин.

Я знаю. Поэтому не принимаю.

- Маргарита, - Антон поворачивается ко мне с видом человека, который только что вспомнил интересный факт, - вы ведь из литераторов? Как вам Набоков? Он умел писать про сложные семьи.

«Набоков».

«Ну конечно. Мужик в возрасте и юная дива. Изящная шпилька».

- Набоков умел писать про одержимость, - отвечаю спокойно. - Что само по себе не делает одержимость нормой.

Влад чуть приподнимает бокал. Не тост - движение. Может, одобрение. Может, случайность.

Антон улыбается шире.

- Точно. Норма - скучная вещь.

- Зависит от того, с чем сравнивать.

- С этим домом, например?

Я смотрю на него прямо.

- С этим домом норма - это когда ужин заканчивается без сюрпризов.

Антон смеется. Негромко, почти искренне.

- Обещать не буду.

Влад ставит бокал.

- Антон, - произносит он.

"Разборки начинаются?"

- Давай лучше про спектакль, - продолжает. - Или выставку.

"Нет. Не намеренны обсуждать то что было вчера? Ну и ладно. Я-то уж точно не собираюсь".

Антон кивает и начинает рассказывать. Детально, с именами актеров и художников, с разбором лучших моментов постановки и лучших картин вернисажа - не придерешься. Либо действительно ездил, либо готовился к этому ужину тщательнее, чем кажется.

Я ем. Слушаю краем уха. Смотрю на свечу.

И тут чувствую.

Нога. Его нога - левая, в дорогом ботинке - касается моей под столом.

Легко. Почти незаметно.

Случайно? Стол длинный, но мы сидим близко. Могло быть случайно.

Я не двигаюсь.

Нога не убирается.

«Не случайно».

Антон переключается на будущие культурные события, куда нам всем просто необходимо съездить. Голос ровный,

лицо обращено к отцу. Никакого намека. Абсолютно ноль. Только эта нога, которая все сильнее и сильнее прижимается к моей - медленно, как будто проверяет реакцию.

«Убери ногу. Прямо сейчас. Это элементарно».

Я не убираю.

Три секунды. Пять. Семь.

«Да блин!»— ору я на себя.

А потом тянусь за хлебом - предлог, чтобы наконец отодвинуться.

Ноге становится холодно.

Я сглатываю.

Антон не реагирует. Ни взглядом, ни паузой. Продолжает треп как ни в чем не бывало.

Я кладу хлеб на тарелку. Не ем.

И вот тут - взгляд.

Влад смотрит не на Антона. На меня. Спокойно, без вопроса - просто смотрит. Его глаза ничего не выражают. Со всем. Что само по себе уже выражение.

«Он не мог видеть!»— паникую я. - *У него же нету глаз под столом!»*

Или мог... не видеть, а понять? Догадаться что что-то не так? По выражению моего лица? По моей позе и неловкому движению с каким я схватила булку?

«Ненавижу себя. Семь секунд. Он прижимался ко мне под столом, а я сидела как истукан. Что это было?»

- Маргарита, - произносит вдруг Влад, - Как продвигается

работа с документами фонда?

"Началось?".

- Есть вопросы по региональным программам, - ровно, спокойно. - Хотела бы обсудить.

- Утром. Я буду дома. Решим.

Киваю, скашивая глаза на Антона.

Лицо спокойное, но с легким прищуром.

"Опасается? Просчитывает варианты? Вспоминает, где мог еще накосячить и что я могу откопать?".

Антон чуть поводит плечами. Открывает рот, и я понимаю – ну все. Сейчас будет взрыв на макаронной фабрике!

Но тут у Влада звонит телефон. Он бросает короткий взгляд на экран. А потом резко встает и коротко извинившись быстро уходит.

Я бросаю взгляд на Антона. Но тот тоже вдруг встает.

- Прошу прощения, мадам, - произносит он и тоже встает. - Но я вынужден вас покинуть.

А потом отвечает слегка шутовской поклон и устремляется к двери.

- Антон! – я поднимаюсь и делаю пару шагов.

Он останавливается, разворачивается. Руки в карманах. Легкая улыбка. Красивый, порочный, холеный.

"Ведь женщины от него наверняка с ума сходят. От его рук. И от его губ".

- Слушаю, - бесстрастный голос выдергивает из нежиз-

данных и - что уж скрывать - довольно фривольных мыслей.

- Зачем..., - откашливаюсь, - Зачем ты это делаешь?

- Что именно? - голос все такой же ровный, почти скупающий.

- Все.

Он молчит. Первый раз за весь вечер - настоящая пауза, не театральная. Смотрит на меня. В его глазах - не насмешка, не расчет. Что-то другое, глубже.

- Потому что могу, - скалится.

А потом разворачивается. Идет к выходу - легко, не оглядываясь. Дверь открывается и закрывается бесшумно. И нет его.

Я стою как прибитая.

«Потому что могу».

Не угроза. Не объяснение. Факт, произнесенный так спокойно, что становится холодно.

Я сглатываю ком, застрявший в горле, а потом пулей вылетаю в холл. Тишина. Пустота. И куда все сегодня подевались? Ну и хрен с вами!

Я поднимаюсь по лестнице. Коридор. Моя комната. Захожу. Нашупываю выключатель.

Свет.

На прикроватной тумбочке - там, где с утра стоял поднос с кофе - лежит телефон.

Не мой.

Темный, дешевый, кнопочный. Из тех, что покупают за

наличные и не регистрируют.

Я стою у двери и смотрю на него.

Кто это сделал? Мария Петровна. Игорь. Влад. Вряд ли.

Антон? Но когда? Я была тут до восьми, потом пошла в столовую. А он был уже там. И никуда не выходил. Не сходится! Да и зачем ему? У него же есть мой номер!

«Потому что могу» - звучит вдруг в голове.

Телефон лежит на тумбочке.

Я все еще стою у двери.

Глава 24

Стою у двери еще минуты три.

Может пять.

Телефон не шевелится. Лежит на тумбочке - темный, молчаливый, абсолютно невинный на вид. Маленький кусок пластика, который кто-то принес в мою комнату, пока я сидела за столом и считала секунды.

Подхожу. Беру двумя пальцами. Переворачиваю. Потертый корпус, без чехла, задняя крышка чуть сдвинута - вставляли симку наспех. Нажимаю кнопку. Экран загорается.

Одно непрочитанное сообщение. Открываю.

«Мне нужен доступ к сейфу. Иначе будут последствия. И не только у тебя».

Я читаю еще раз.

«И не только у тебя».

У меня - семья. Мама с больным сердцем. Брат, которому пятнадцать. Папа, который сейчас скорее всего сидит у какого-то «друга» и проигрывает последнее.

Стою. Думаю.

Антон? Он единственный, кто говорил про сейф. Но - у него есть мой номер. Он мог написать напрямую. Зачем подкидывать чужой телефон, если можно позвонить и написать со своего?

Если только он не хочет, чтобы это сообщение и разговор

связали с ним.

Или - не Антон. Кто-то еще. Кто знает про сейф, про меня, про то, как войти в чужую комнату в чужом доме.

И это уже – полноценная угроза, а не просто разборки волка и волчонка, какими бы страшными они не казались...

Я выхожу. В коридоре тихо. Может быть он и не в кабинете... Но я уже все равно тут.

Стучу.

- Войдите.

Влад за столом. Уже переоделся после ужина в домашнюю футболку. Но все равно выглядит волком, а не котиком.

Да? - басит.

Я подхожу. Кладу телефон перед ним - экраном вверх.

- Нашла в комнате. На тумбочке. После ужина.

Он смотрит на телефон. Не берет сразу.

- Открывала?

- Да.

Берет. Читает. Опускает экраном вниз. Смотрит на меня.

- Откуда это у тебя?

- Я же сказала. Нашла в комнате.

- Здесь, в доме, в твоей комнате, - повторяет.

- Да.

Пауза. Он что-то обдумывает - это видно по тому, как чуть сдвигаются брови.

- Хорошо, что принесла, - произносит наконец.

Убирает телефон в ящик стола.

Я стою.

- Сегодня здесь был только Антон... - выдыхаю я.

Влад смотрит на меня. Долго.

- Здесь очень много людей, - голос ровный.

- То есть... ты не думаешь..., – начинаю и тут же обрываю себя.

- Я разберусь.

Не «нет». Не «да». «Разберусь». Как будто это такой же рабочий вопрос, как сломанный кондиционер или счет без подписи.

Я киваю. Разворачиваюсь к двери.

И тут - сама не знаю зачем - останавливаюсь.

- Влад, - оборачиваюсь.

- Да.

- Там. В сообщении. «Не только у тебя», - я смотрю в сторону - не на него, на полку с книгами. - Ты же знаешь... У меня семья. Мама. Брат. И отец.

Молчание.

- Я вчера звонила папе, - говорю я. - Он думает, что долг рассосался сам. Не знает ничего.

- Да? – приподнимает одну бровь. «Типа, а ты думала, что он начнет выяснять?».

Я молчу. Ну да, он прав. Это ужасно, но он прав.

- Я хотела... не об этом. Просто... я слышала фон. Когда он разговаривал. И наверное... мне нужно об этом тебе сказать. Теперь это и тебя касается, - я чувствую, как мои щеки

начинают гореть.

- Карты, - говорит Влад. Не вопрос.

- Похоже на то.

Пауза. Короткая.

- Я разберусь, - повторяет он.

Что-то в этой фразе, сказанной второй раз подряд, заставляет меня наконец посмотреть на него прямо.

- Влад, - голос у меня ровный. Я слежу за этим специально.

- Только ноги ему не ломай.

Секунда тишины.

Не улыбается, но близко.

- Есть другие способы.

Я смотрю на него еще секунду.

- Это должно меня успокоить?

- Это должно тебя проинформировать.

Разворачиваюсь и выхожу.

В коридоре прислоняюсь к стене.

«Есть другие способы».

Я думаю про отца. И про его долг из-за которого я во все это влипла.

И про Влада, который следил за нашей семьей годами. Который понял про карты раньше, чем я успела договорить.

А потом произнес «разберусь» таким тоном, каким говорят о задаче, у которой уже есть решение.

«Есть другие способы».

Какие?

Я не знаю. И это, пожалуй, единственное, что меня сейчас по-настоящему пугает. Не угроза в телефоне. Не анонимный номер. А то, что я стою в чужом коридоре и думаю: а как именно он разберется? Что он может сделать?

С одной стороны, он вряд ли теперь... после того, как я стала его невестой... представляет для отца угрозу. А с другой... кто сказал, что папа будет у него под защитой? Он получил меня – новый актив за старые долги – и теперь отец ему больше не интересен.

Я вздыхаю. И понимаю, что даже если сейчас вернусь и потребую ответов – он все равно ничего не скажет.

Я отлипаю от стены. Иду к себе. Ложусь. Смотрю на тумбочку. Мысли возвращаются к телефону.

«В доме много людей».

Значит – не Антон? Или – не только Антон?

Кто-то по распоряжению Антона... или по распоряжению еще кого-то... Кто-то, кто свободно ходит по этому дому не вызывая подозрений. Кто-то, кому, как и Антону нужно что-то из этого черного сейфа. И вряд ли это просто деньги. Теперь я в этом уверена. Что-то значительно более ценное, чем деньги...

«Проблемы буду не только у тебя».

А у кого? Может быть это не про мою семью? Может быть это про самого Влада? И его проблемы – это теперь мои проблемы?

Я переворачиваюсь на спину. Оглядываю комнату. В этом

доме - слои.

Влад. Антон. Мария Петровна, которая держит все в руках и смотрит так, будто знает больше всех. Охрана, горничные, поварята...

И кто-то из них может же подняться и зайти сюда, не вызывая подозрений?

Я перевожу взгляд на окно. Темно. Ночь. Вторая ночь в этом доме. И она еще более страшная чем первая.

Телефон - мой, настоящий - молчит. И тот, что в ящике стола у Влада, - скорее всего тоже.

Пока.

Я закрываю глаза.

Он сказал «разберусь» дважды. Один раз - про угрозу. Один раз - про папу.

Одним тоном.

Интересно, есть ли для него разница между этими двумя задачами?...

Глава 25

Утром мне хочется первым делом помчаться в кабинет Влада с вопросами:

«Ну что, что? Кто это был? Кто подкинул телефон? И что все это значит?».

Но когда я, плеснув воды в лицо и натянув футболку и шорты, открываю дверь, собираясь уже двинуться в святая-святых, то буквально налетаю на Марию Петровну.

- Доброе утро, - она приподнимает бровь, критически оглядывая мое одеяние. – Мне кажется вам будет несколько... прохладно. На улице плюс пятнадцать.

- На улице? – тупо повторяю.

- Через полчаса можно выезжать.

- Выезжать?

Она смотрит так, что я начинаю чувствовать себя клинической идиоткой. Хотя я себя так и веду, что уж.

- У вас примерка свадебного платья в двенадцать, - почти как малому ребенку произносит она.

Я моргаю. Примерка?

- Ваше расписание обновлено еще вчера. Но, - в глазах появляется догадка, - Вы возможно его не проверяли?

Я качаю головой. Она кивает в ответ. Типа «понято-принято».

- Завтракать будете?

- Кофе достаточно. А...

- Владислав Андреевич уехал с Игорем. Сегодня вас сопровождает Володя.

Я киваю и возвращаюсь в комнату. Надо переодеться и ехать на примерку...

Через полтора часа машина останавливается у высокого стеклянного фасада, где все сияет молочной белизной, хрусталем и тем самым безупречным счастьем, которое обычно продают женщинам по завышенной цене.

Меня встречает администратор.

- Маргарита Николаевна? Добро пожаловать. Вас уже ждут.

Конечно, ждут.

Все в моей жизни в последнее время меня либо ждут, либо стерегут.

Внутри пахнет чем-то сладким, дорогим и воздушным. Лилии. Пудра. Свежая ткань. Немного чужих надежд. Немного денег.

"Нет. Очень много денег".

Я прохожу мимо рядов платьев и невольно цепляюсь взглядом за кружево, шелк, бисер, длинные шлейфы.

- Ваше платье уже подготовили, - щебечет ассистентка, тонкая, аккуратная, с идеальной укладкой и выражением профессионального восторга на лице. - Мы внесли все изменения по предоставленным меркам.

«Интересно, кто их предоставил», - хочу уже съязвить, но тут дверь открывается.

И я думаю, что следовало позавтракать, а не напиваться одним только кофе. Тогда бы и видений не было.

Но нет. Это не видение. Это Влад.

Он здесь смотрится настолько неуместно, что мне становится смешно. Пришел проверить как сидят его будущие кандалы. Или...?

- У тебя есть новости? – выпаливаю я.

Он смотрит на меня так, будто пытается понять, о каких именно новостях я говорю.

- Телефон? – продолжаю.

Его губы кривятся.

- Я приехал на примерку, - отвечает.

Я закусываю губу, что не начать орать. А смысл? В этом ответе весь он.

- Женихам здесь делать нечего, - фыркаю.

Он подходит ближе. Не торопится. Никогда не торопится. Будто заранее знает, что пространство само разойдется перед ним.

- Я не такой жених, как все.

"Господи".

Нет, серьезно. Иногда мне хочется записывать его реплики в отдельную книжечку под названием «Так говорят мужчины».

- Какая трагедия для статистики, - всплескиваю руками. -

Еще скажи, что ты особенный.

- Я этого не говорю. - Он скользит взглядом по залу, по платьям, по консультантам, которые уже чувствуют в воздухе что-то не то, но вежливо делают вид, что ничего не замечают. Потом снова смотрит на меня. - Я это доказываю.

Ненавижу, когда он так говорит.

Спокойно. Ровно. Без нажима.

Так, что нажим чувствуется сильнее.

Ассистентка поспешно улыбается:

- Как замечательно! Это такая редкость! Несколько минут и мы будем готовы! Маргарита Николаевна, пройдемте в примерочную? Не будем заставлять вашего жениха ждать!

Я не отвожу взгляда от Влада еще секунду.

Ассистентка деликатно кашляет, и я разворачиваюсь.

- Покажите уже мой саван, - бурчу.

Меня уводят в примерочную - в отдельную просторную комнату с большим зеркалом, подсветкой по контуру, бархатным пуфом и подиумом, на котором лежит платье.

- Очень изящная линия спины, - щебечет ассистентка. - И корсетная посадка, как вы и просили.

«Я не просила».

Через несколько минут я стою в одном нижнем белье посреди примерочной, и меня начинает разбирать совершенно детская, идиотская злость.

Потому что все это унижительно.

Не раздевание само по себе. Не чужие руки. Не ткань.

А то, что моя жизнь снова превращается в мероприятие, где за меня уже все решили, а мне оставили только право красиво выглядеть в кадре. А ведь вчера мне показалось... Ну да... Именно, показалось...

Платье надевают осторожно, поднимают, расправляют, опускают по бедрам. Оно тяжелее, чем кажется. И намного жестче.

- Сейчас корсет, - предупреждает ассистентка. - Потерпите немного.

О, я в последнее время только этим и занимаюсь. Терплю немного. Потом еще немного. Потом еще.

Я становлюсь перед зеркалом. Платье сидит почти идеально, но шнуровка на спине пока распушена.

Ассистентка становится за моей спиной.

Я втягиваю воздух.

- Еще чуть-чуть, - пищит она. - Нужно, чтобы линия талии села ровно.

"Еще чуть-чуть".

"Конечно".

Я чувствую, как ткань сжимается вокруг ребер. Как корсет собирает меня, подгоняет, оформляет, выправляет. Как будто человеческое тело - это ошибка, которую надо исправить шнурком и дисциплиной.

- Слишком туго, - бурчу.

- Пока только примеряем.

Она затягивает еще.

Я поднимаю подбородок, но вдох становится уже не вдохом, а его жалкой имитацией.

- Я не могу дышать.

- Еще секунду, пожалуйста.

И в этот момент дверь открывается. Без стука. Просто открывается, будто никаких границ в этом мире не существует.

Я поднимаю глаза.

В зеркале появляется Влад.

На нем уже нет пальто. Темный костюм. Белая рубашка. Никаких лишних движений.

Только взгляд.

Этот взгляд сначала скользит по комнате, будто фиксируя детали. Потом по ассистентке. Потом по мне - и там останавливается.

И я вижу, как меняется его лицо. Не сильно. Влад не из тех мужчин, у которых эмоции ходят по лицу толпой.

Но я знаю его уже достаточно, чтобы уловить это напряжение в челюсти. Этот слишком неподвижный взгляд. Эту опасную тишину, которая появляется, когда он вдруг перестает играть роль человека, у которого все под контролем, и на мгновение становится просто мужчиной.

Мужчиной, который видит женщину.

И это, как назло, бьет не только по нему.

По мне тоже.

Потому что одно дело - воевать с ним в кабинетах, коридорах, машинах, за столом, в гостиной, на лестнице, во всех

наших ядовитых диалогах.

И совсем другое - стоять перед ним вот так. В белом роскошном платье.

- Выйдите, - произносит тихо, не глядя на ассистентку. – Выйдите прямо сейчас.

Я замираю.

Глава 26

Его голос ровный. Негромкий.

Но ассистентка вздрагивает так, будто на нее плеснули ледяной водой.

Она смотрит на меня, на него.

- Но... шнуровка...

- Я сказал: выйдите.

Она выпускает ленты так быстро, словно они обжигают ей пальцы.

- Конечно.

Через мгновение дверь закрывается. Мы остаемся вдвоем. Я стою перед зеркалом и не двигаюсь. А он подходит. Шаг. Еще шаг. Я слышу это не только ушами - кожей. Полом. Воздухом.

Он останавливается у меня за спиной так близко, что я чувствую тепло его тела, хотя он еще не касается. У меня пересыхает во рту. Не от нежности. От того, что рядом с ним все всегда похоже на край.

Я не двигаюсь. Боюсь что если двинусь - платье прошелестит, воздух сдвинется, и он поймёт что я слушаю его дыхание. Что считаю секунды. Что спина у меня сейчас деревянная не от корсета.

- Ты врываешься в примерочную к невесте без стука, - хриплю я. - Очень современно.

- Ты задыхаешься.

- Тебя это, похоже, не смущает.

- Меня смущает, когда кто-то другой тебя касается.

Я медленно моргаю – *"чего??"*.

Моргаю еще раз.

Вот почему рядом с ним всегда хочется то ли смеяться, то ли бежать, то ли вцепиться и расцарапать?

- Ревнуешь к портнихе? - фыркаю.

Он не отвечает. Поднимает руки к шнуровке.

Пальцы сильные, уверенные. Они касаются лент так, будто знают, что делают. И это почему-то бесит меня почти так же сильно, как и волнует.

Один раз, мимоходом он задевает кожу, у основания шнуровки. Случайно.

"Наверное случайно".

Я не дышу следующие три секунды. Потом выдыхаю - тихо, через нос - и надеюсь, что он не видит в зеркале как у меня чуть подгибаются колени.

"Точно не видит! Коленки под платьем, идиотка!".

Он ослабляет шнуровку. Я наконец делаю судорожный вдох - глубокий, почти жадный. Воздух врывается в легкие так резко, что у меня кружится голова.

- Лучше? - спрашивает он.

- Не обольщайся. Это не благодарность. Это рефлекс выживания.

- Я и не рассчитывал на благодарность.

А потом он начинает затягивать. Медленно. Очень медленно. Не так, как это делала ассистентка - быстро, деловито, машинально. А будто каждый сантиметр имеет значение.

Будто он не шнуровку затягивает, а что-то проверяет. Мое дыхание. Мое терпение. Мой пульс.

Свою власть.

Сцену. Реальность.

Платье снова собирается по талии. Плотнее обнимает ребра. Выправляет осанку. Делает меня выше, строже, тише.

Я вижу в зеркале, как меняется мое лицо. И как не меняется его.

И мне становится невыносимо. Потому что у меня внутри уже пожар, а у этого мужчины - только лед и внимательность.

- Еще туже? - спрашивает он.

Я чувствую, как у меня по спине проходит холодок.

- Решил сразу тренировать меня к браку?

- Решил посмотреть, где твой предел.

- И как? Нашел?

Он встречается со мной взглядом в зеркале.

- Пока нет.

Пальцы скользят ниже, подтягивают ленту, снова вверх, крест-накрест. От каждого движения по спине расходится слишком отчетливое ощущение его присутствия. Не прикосновения даже. Хуже. Осознания.

Что он здесь. Что он видит меня такой. Что я вижу его таким.

Без свидетелей. Без публики. Без возможности спрятаться за репликой, не заплатив за это дрожью в голосе.

- Ненавижу свадебные платья, - говорю я.

- Ложь.

- Я ненавижу то, что они означают.

- Уже ближе.

Он затягивает еще немного и останавливается.

Я стою ровно, как натянутая струна.

- Ты пришел посмотреть на товар? - спрашиваю я тихо.

Он не отвечает сразу.

Его взгляд в зеркале становится тяжелее.

- Я пришел посмотреть, как на тебе сидит мое решение.

Меня будто ударяют под дых.

И в ту же секунду я злюсь на себя за то, что это звучит не только чудовищно, но и так, как умеет звучать только Влад: невыносимо, точно, прямо в нерв.

- Какая романтика, - шепчу я. - Надо написать это на приглашениях.

Он делает последний узел, не отрывая взгляда от моего отражения.

Его руки задерживаются на мгновение у основания шну- ровки. Не на коже. Не касаясь лишнего. Но достаточно близко, чтобы у меня опять сбилось дыхание. И опять не из-за корсета.

И я ненавижу эту секунду. Ненавижу так же сильно, как хочу чтобы его руки коснулись не только платья.

- Готово, - говорит он.

Я смотрю на себя. Платье сидит идеально. Безжалостно идеально.

Талия подчеркнута. Спина длинная, белая, открытая. Плечи хрупкие. Лицо бледное. Глаза темные. От злости или от... желания?

- Ну? - спрашивает Влад.

- Что - ну?

- Спроси.

Я нервно усмехаюсь.

- Тебе нравится?

- Да.

Без паузы. Без игры. Без привычного ледяного издевательства. Просто да.

И это его короткое «да» опаснее всех прежних угроз.

Я отвожу взгляд первой.

Потому что еще секунда - и я не выдержу этого странного ощущения, будто мы стоим не в свадебном салоне, а внутри какой-то ловушки. Вместе. Вдвоем. Будто это ловушка не только для меня, а для нас обоих?!

- Можешь выйти? - говорю я.

- Могу.

Он не двигается.

Я снова смотрю на него в зеркало.

- Тогда почему стоишь?

- Смотрю.

- На платье?

- На тебя.

Я сглатываю.

- Насмотрелся?

- Нет.

И вот теперь мне действительно не хватает воздуха. Не из-за корсета. Из-за него.

- И что дальше? – шепчу.

Он ухмыляется и... отступает.

Потом медленно выходит и тихо закрывает за собой дверь.

А я смотрю на себя в зеркало и понимаю, что худшее не в том, как сидит платье, не в том, что я боюсь свадьбы и не в том, что меня ведут туда, куда я не собиралась идти.

Худшее в том, что в тот момент, когда он вошел без стука, когда увидел меня в белом, когда прикасался ко мне через ткань, часть меня - совсем маленькая, совсем больная, совсем неправильная - захотела, чтобы он взял в руки не ленты, а всю меня...

Глава 27

Назад едем молча.

Ну, то есть машина мерно урчит. А молчим мы – я и мой сегодняшний водитель – Володя. Широкоплечий, коротко стриженный, с таким спокойным лицом, что за ним можно спрятать целый склад мыслей.

Игорь хотя бы иногда выражал что-то похожее на человеческую эмоцию – недовольство там, или осторожность. Этот – просто едет. Профессионально и непроницаемо.

Я смотрю в окно и думаю о примерочной.

Точнее, пытаюсь не думать о примерочной. Что, разумеется, означает что думаю только о ней. О пальцах на шнуровке. О его «нет» в зеркало. О том, как я стояла и не отводила взгляд.

«Прекрасно, - говорю я себе. - Отличное использование мозга. Который тебе вроде как дан для аналитики документов, а не для воспроизведения сцен из романа категории 18+».

- Маргарита Николаевна.

Я вздрагиваю.

Володя смотрит в зеркало заднего вида - вежливо, коротко.

- Мария Петровна сказала, вы с утра только кофе пили, - произносит он. Нейтрально. Как погодную сводку. - Есть

хорошее место тут рядом. Вкусно, быстро. Если не против.

Я смотрю на него.

- Мария Петровна сказала.

- Да.

- А вы прямо вот обо всем ей отчитываетесь?

- Да. Все кому дорога работа.

Я фыркаю, потом секунду думаю.

Честно говоря, я голодна как волк. Каламбур не случайный. С утра один кофе и потом два часа корсета в руках волка - это не завтрак, это издевательство.

- Хорошо, - говорю я. - Давайте.

Кафе оказывается простым - никакого хрусталя, никаких свечей в полдень. Деревянные столы, большие окна, запах жареного лука и свежего хлеба. Живая жизнь, в общем. Я уже почти забыла, как она выглядит.

Мы с Володей сидим у окна. Он заказывает чай и просто сидит - не нависает, не давит, не делает вид что его нет. Пьет чай. Нормально. Тихо.

Я изучаю большое, написано от руки меню.

- Вы давно у него работаете? - спрашиваю я, не отрываясь от текста.

- Шесть лет.

- И как?

- Нормально.

- Это не ответ.

- Это все что могу сказать при исполнении.

Я опускаю меню и смотрю на него. Он смотрит в окно. Скулы чуть напряжены - единственный признак того, что вопрос был замечен.

- Честный ответ, - говорю я.

- Стараюсь.

Официантка принимает заказ - суп и мясное рагу, Мария Петровна была бы довольна. Смотрю в окно - улица, прохождение, кто-то с собакой, кто-то с коляской. Обычный город. В нем живут люди, у которых нет добрых долгов и анонимных телефонов.

Везет людям.

- Маргарита Николаевна, - бархатное мурлыканье прямо над ухом

Вздрагиваю, поднимаю глаза.

У нашего столика стоит Антон.

Куртка, футболка, джинсы, руки в карманах. Смотрит на меня с нахальной улыбкой.

Я смотрю на него. Потом на Володю.

Володя смотрит в окно с таким интересом, будто за стеклом происходит что-то невероятно захватывающее.

- Какое совпадение, - фыркаю.

- И не говорите, - Антон плюхает за стол. - Я тут бываю.

Кормят по-человечески.

- В отличие от дома?

- В дома кормят по-нечеловечески хорошо. - Он подзывает официантку, заказывает кофе. - Но иногда хочется туда,

где нет серебряных приборов.

- И где нет пометок «отказать в содержании», - ляпаю я.
В его глазах вспыхивает огонь.

«И что ж в тебе слова то не держатся, дура ты моя?».

- Ты, - откашливается, - Ты видела мои финансовые документы.

- Ну... Работа у меня теперь такая.

Антон берет ложечку, помешивает кофе.

Дзиньк, дзиньк, дзиньк.

- Это был подарок. От папочки. На двадцатипятилетие, - растягивает губы. - «Ты сынок совсем большой – давай-ка сам крутись». Аргумент железный, согласишься?

- И поэтому, - я бросаю косой взгляд на Володю, - Поэтому ты... говорил со мною... тогда машине.

- Поэтому..., - щурится, - Много чего поэтому...

Поворачивается к Володе.

- Оставишь нас ненадолго, дружище?

Тот вперивает взгляд в волчонка.

- Ну-ну, - Антон поднимает руки в примирительном жесте, - Все будет в порядке. Мы в общественном месте. Тут я отцовское имущество испортить не смогу...

Володя смотрит на меня. Я киваю. Он встает и отходит.

- Имущество? Испортить?

- Красиво шипишь, с огоньком, - ухмыляется. - Так и хочется сейчас взять и утащить тебя куда-нибудь в подсобку. Ненадолго... Или надолго...

Я моргаю.

- Обещаю, что тебе понравится, - выдыхает таким тоном, что у меня перехватывает горло.

Хватаю стакан с водой. Делаю глоток. Ставлю обратно, радуясь, что руки не трясутся. Откашливаюсь и произношу максимально строгим тоном.

- Антон!

- Да, Маргарита Николаевна? – ржет.

- Мне надоело! Я хочу ответов! Сейчас. На все вопросы!

- Слушаю вас внимательно, - улыбка самая обворожительная.

- Телефон в моей комнате – это тоже ты?

Улыбка остается на месте - но меняется кардинально.

Он секунду смотрит на меня, потом чуть наклоняет голову.

- Какой телефон?

- Кнопочный. Дешевый.

Он молчит. Не то молчание, которым люди тянут время, когда придумывают ответ. Более живое.

- Я ничего не подкладывал, - говорит он наконец.

- Ну конечно!

- Марго, - и тон уже без светского лака, без игры. Ровный, жесткий. - Я не подкладывал никакого телефона.

Я смотрю на него. Да, я уже знаю, что врать он умеет очень хорошо. Но этот тон, эта пауза, этот взгляд. Не похоже на ложь.

- Хорошо, - говорю я. - Допустим.

Приносят мой суп. Я беру ложку. Антон обхватывает кофейную чашку двумя руками - жест неожиданно человеческий для его обычного образа.

- Там было сообщение, - говорю я, глядя в суп.

- Да?

- Про сейф.

Поднимаю голову. Антон смотрит на меня - и вот сейчас на его лице точно что-то происходит. Что-то сложное, многослойное.

- Что именно?

- Что кому-то нужен доступ. И что будут последствия.

- Угроза?

- Именно.

Он ставит чашку. Смотрит в нее секунду. Потом:

- Это не я.

- Тогда кто?

- Не знаю. Но это плохо.

- Ты так говоришь, как будто знаешь, кто это может быть.

Пауза.

Дольше, чем предыдущие.

- Антон. - Я кладу ложку. Суп хороший, жалко отвлекаться, но придется. - Ты с самого начала говорил мне про сейф. Пугал «трупом» и «серыми схемами», которые повесят на меня, а потом посадят или убьют. Это же все чушь?

Молчит.

- Что в сейфе? – жестко. - И давай без третьего акта. Пусть будет мини-пьеса.

- Эти твои литературные метафоры, - скалится.

- Ну так что? Ответишь?

Он смотрит на меня.

Долго.

Дольше чем обычно - без улыбки, без игры, без слоя отполированной уверенности. Просто смотрит. И я вдруг понимаю: он сейчас решает. Не придумывает - именно решает. Говорить или нет.

- Ты умная, - говорит он наконец.

- Это давно не новость.

- И злая.

- Это всегда было новостью только для тех, кто не смотрел.

Он чуть щурится.

- Там документы.

- Какие?

- Которые докажут, что мой отец убил мою мать.

Глава 28

Антон смотрит на меня - спокойно, ровно. И я понимаю, он так долго это носит внутри, что эмоции давно покрылись слоем пепла.

- Повтори, - говорю я.

- Ты слышала.

- Повтори.

- Мой отец убил мою мать, - говорит он ровно. - В сейфе есть документы, которые это доказывают.

Я откладываю ложку.

- Откуда ты знаешь, что они там?

- Знаю.

- Это не ответ.

- Это пока все что тебе нужно знать.

Я смотрю на него секунду. Потом беру хлеб - чтобы руки были заняты - и говорю:

- Расскажи мне... про маму.

Замирает.

- Зачем тебе? – тихо, с болью.

- Расскажи. Пожалуйста.

Антон смотрит в окно, молчит. Достаточно долго, чтобы я поняла: он решает. Не что сказать - а сколько.

- Мне было восемь, - говорит он наконец.

Голос ровный. Как будто он повторял это много-много

раз. Чтобы сгладить боль. Хотя бы чуть-чуть.

- Утром она была. Завтракала со мной. Потом меня отвезли в школу. И больше я ее не видел.

Я молчу, держу ложку. Не ем - просто держу. Его голос и эта отработанная ровность - ранят, делают физически больно. Как будто я долго-долго сидела в неудобной позе и теперь все затекло и ноет. Каждая клеточка.

- Официально - пропала. Как, куда, почему - отец не объяснил. Просто закрыл тему.

- И ты решил, что он ее убил.

- Нет, - Антон поднимает глаза. - Я был ребенком. Ждал, просил ее искать... Но если поиски и велись, в чем я сомневаюсь, то результатов не было. Так сказал отец. Пропала и все.

Он берет кофейную чашку.

- Мне было шестнадцать, когда Ольга Александровна сказала мне правду.

В голове щелкает.

- Ольга Александровна?

- Да. Она была близкой подругой матери.

Я смотрю на него.

- Мишина?

Антон вздрагивает.

Не сильно. Почти незаметно. Но я вижу - короткая судорога. Удивление, которое он не успел убрать.

- Откуда ты знаешь ее фамилию?

Я откусываю хлеб. Жую. Смотрю в окно.

- Она замешана в темных делишках в фонде, - говорю я.

- Что?

- Ольга Александровна Мишина. Консультант по партнерским программам. Я видела ее имя в документах. Там, где деньги зависали дольше всего.

Антон смотрит на меня. На его лице недоверие.

- Это невозможно, - выдыхает.

- Я видела документы.

- Нет, - он качает головой - раз, второй, как человек, который отказывается принимать то, что слышит. - Она не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.